

SVET

אור
SVET

7 ב"ה

СИВАН, ТАМУЗ 5767
ИЮНЬ 2007
JUNE 2007
ZHIZN'-LIFE

Мошиах

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ЛЮБАВИЧСКИЙ РЕБЕ
КОРОЛЬ МОШИАХ!

Главный редактор:
раввин МОШЕ-ХАИМ ЛЕВИН
Редактор:
раввин НАФТОЛИ ЭСТУЛИН
Литературный редактор:
ЭЛИ ЭЛКИН
Редколлегия:
д-р ШЛОМО РОЗЕНОЕР,
ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ
Корректор:
СОФИЯ АРЛОЗОРОВ
Дизайн, графика, рисунки:
ХАЯ-ЗОЯ ЯНКОВСКАЯ
Администратор:
ЙЕГУДИС ЭЛКИНА

Адрес издательства «СВЕТ МОШИАХА»

НЬЮ-ЙОРК
SVET Moshiaich
605 Ocean Parkway,
Brooklyn, NY 11218
Тел.: 718-854-0006
Факс: 718-871-6955
E-mail: svet@moshiach.com

ЛОС-АНДЖЕЛЕС
Chabad Russian Immigrant
Program and Synagogue
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Тел.: (323) 848-2999

ИЗРАИЛЬ
Kiryat-Malakhi, 70900
Chabad, 144/21
Тел. 972-8-850-1627
E-mail:
svet_moshiacha@yahoo.com

Журнал «СВЕТ МОШИАХА»
выходит ежемесячно.
Для оформления подписки
звоните по вышеуказанным
телефонам.
Цена годовой подписки
(12 номеров):
в Израиле – 50 шекелей,
в США – \$18.
Розничная цена:
в Израиле – 5 шекелей,
в США – \$1.50.

Печатается в Израиле
© «Свет Мошиаха»
Использование материалов
и их перепечатка
только с разрешения издательства

ZNIZN-LIFE
(ISSN #1060-4278, USPS 007-474)
is published monthly
by the Chabad Russian
Immigrant Program and Synagogue,
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
**regular subscription price is
\$18 per year.**

Periodicals postage paid
at Los Angeles,
California and additional entry point.
POSTMASTER send address
change to ZHIZN-Life
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Phone (323) 848 2999

Наш журнал теперь можно
найти в Интернете
<http://www.moshiach.ru/svet.php>

*Тора, законы, традиции, история нашего народа, тайны мироздания
в учении хасидизма, хасидские рассказы,
история и деятельность движения ХАБАД и его лидеров,
вопросы о Мошиахе и Освобождении и многое другое – на сайте*

www.moshiach.ru

С РЕДАКТОРСКОГО СТОЛА

ВСЛЕД ЗА КОЛУМБОМ 3

ЛЕТОПИСЬ ХАБАДА

ЛЕТНИЙ КРУИЗ 1941 ГОДА Д.Аргаман, Н.Гроссман 4
ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ДНЕЙ... 6

ЖИВОЕ СЛОВО

ПРОСТО ИДТИ ВПЕРЕД из бесед Ребе 7

ФАРБРЕНГЕН

ПО НОВОМУ КРЫЛЬЦУ ЧЕРЕЗ ОКНО Э.Ховкин 8

ЖИЗНЬ С РЕБЕ

КАПИТАН КОРАБЛЯ “ПРЕТОРИЯ” Г.Кац 9

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

СВЕТ И РАДОСТЬ д-р Ш.Розеноер 10

ДОРОГА В ЛЮБАВИЧ

КОРНИ М.Быстрицкий 12

В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

“Я ТЕБЕ ЗАВИДУЮ” Д.Шейнер 14

ЧЕТЫРЕ ЛОКТА ЗАКОНА

“ДУША, КОТОРУЮ ТЫ ДАРОВАЛ...” д-р Ш.Розеноер 15

ВЕТВИ ХАСИДСКОЙ МЕНОРЫ

КАК НАЧИНАЛАСЬ АСКАЛА (окончание) 16

СЛОВА, ИДУЩИЕ ИЗ СЕРДЦА

ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО... из писем Ребе 18

ЖИЗНЬ ВЕЛИКИХ

ВЕЩИЕ СНЫ КОРОЛЯ Э.Элкин 19

ПОСЛАННИКИ

МИНУТА МОЛЧАНИЯ М.Хабер 21

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

МАЛЬЧИК ПОД АРЕСТОМ А.Игин 22

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПОЛИГЛОТ ИЗ ОСВЕНЦИМА Д.Орбах 24

ЛЮДИ НАШЕГО КРУГА

БОРОДА ПОД ЧЕРНОЙ ШЛЯПОЙ проф. В.Грин 28

	6 ТАМУЗА (22 ИЮНЯ)		13 ТАМУЗА (29 МАЯ)		20 ТАМУЗА (6 ИЮЛЯ)		27 ТАМУЗА (13 ИЮЛЯ)	
	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход
ИЕРУСАЛИМ	19:08	20:30	19:09	20:31	19:08	20:30	19:07	20:28
ТЕЛЬ-АВИВ	19:32	20:33	19:33	20:34	19:33	20:33	19:31	20:30
ХАЙФА	19:33	20:34	19:34	20:35	19:34	20:34	19:32	20:32
ЭЙЛАТ	19:25	20:24	19:26	20:25	19:26	20:24	19:25	20:23
НЬЮ-ЙОРК	20:12	21:21	20:13	21:21	20:12	21:19	20:09	21:15
ЛОС-АНДЖЕЛЕС	19:50	20:52	19:50	20:52	19:50	20:51	19:48	20:49
ТОРОНТО	20:45	21:58	20:45	21:57	20:44	21:55	20:40	21:51

После зажигания свечей произносятся:

- БОРУХ АТО А-ДЭЙ-НОЙ Э-ЛЭЙ-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЗЙЛОМ АШЕР КИДШОНУ БЭМИЦВЭЙСОВ
ВЭЦИВОНУ ЛЕХАДЛИК НЭЙР ШЕЛ ШАББОС КЭЙДЭЙШ
 («Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, освятивший нас
Своими заповедями и повелевший нам зажигать субботние свечи!»)

ВСЛЕД ... ЗА КОЛУМБОМ

Для начала – небольшой экскурс в историю.

В 1492 г. король Испании Фердинанд благословил напутственными словами экспедицию Христофора Колумба, который отбыл к берегам не открытой пока еще им Америки. А спустя несколько месяцев сотни тысяч еврейских семей вынуждены были покинуть Испанию, – по приказу все того же Фердинанда, – оставив все свое имущество и ценности королевской казне, с собой унося лишь горечь и боль унижения.

«В этом мире случайностей нет, каждый шаг оставляет след», – спел когда-то известный рок-музыкант и был прав.

Тора учит нас простому и ясному правилу: мир сотворен с определенной целью. Все происходящее – от самого грандиозного до самого незначительного – является частью плана Всевышнего. Это называется Б-жественным Провидением. Наш ограниченный разум не всегда способен постичь Великий Замысел Творца, и поэтому мы не всегда понимаем причины и цели происходящего. Всевышний же, по Своей великой Мудрости, изредка приоткрывает нам тяжелую кулису времени, чтобы мы могли собственными глазами, пусть даже краем глаза ухватить принцип работы Б-жественного «механизма».

Колумб открыл Америку в 1492 году, том же самом, когда евреев изгнали из Испании. И в то время, как моряки из его команды поочередно крутили колесо штурвала, Всевышний крутил Свой штурвал, определяя курс и ход событий лишь по известному только Ему маршруту. Обнаруженный мореплавателем материк вскоре стал пристанищем для множества тех же самых изгнанников, которые пришлось не ко двору испанским монархам. Тогда-то и началось освоение Нового Света евреями...

Теперь обратимся к датам, более близким и более знакомым. Например, 22 июня 1941 г. Печальный, страшный день в советской истории. Нет смысла подробно останавливаться на ужасах войны и, в частности, Катастрофы, о чем написано уже сотни, если не тысячи книг. Замечу лишь, что Б-жественное Провидение и здесь успешно проделало свою работу, сокрытую для глаз, но весьма ощутимую.

Спустя день после того, как на Киев упали первые немецкие бомбы, 23 июня 1941 г., 28 Сивана 5701 г. по еврейскому летосчислению, Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон вместе с супругой ребецин Хая-Мушкой прибыл к берегам Америки, чтобы осесть здесь и помочь в деле распространения Торы и учения хасидизма своему тестю, Шестому Любавичскому Ребе Йосеф-Ицхаку Шнеерсону, который прибыл в США годом раньше.

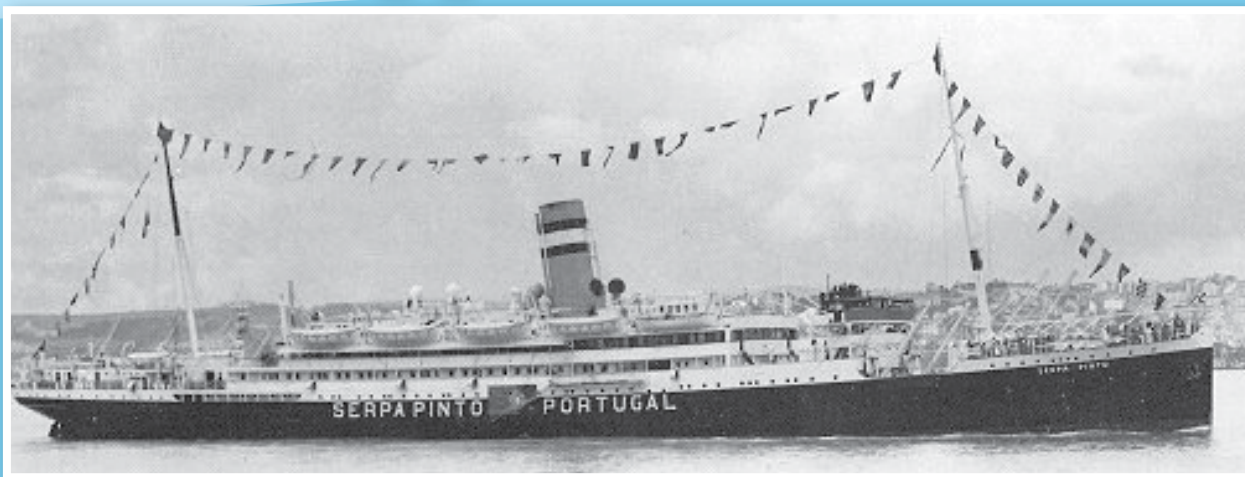
Трудно перечислить все воспитательные учреждения, периодические издания, организации, специальные проекты, которые были созданы за время их совместной деятельности. Создавался фундамент, инфраструктура организации, деятельность которой вначале охватила США, а затем – и весь мир. Благодаря самотверженной работе рабби Йосеф-Ицхака Шнеерсона и его последователя, нашего Ребе, Короля Мошиаха, сотни, тысячи, миллионы евреев вернулись к своему наследию, к святой Торе, а мир шагнул навстречу долгожданному Освобождению. Это было «нашим ответом» и на Катастрофу и на последующие сталинские репрессии.

На этом, пожалуй, исторические выкладки и философские рассуждения можно закончить. Пришло время действовать.

ЛЕТНИЙ КРУИЗ

1941 года

НАОМИ ГРОССМАН

Корабль «Серпа Пинто», арендованный американской организацией «Джойнт» в 1939 г. для спасения евреев Европы

-1-

В 1940 году рабби Менахем-Мендл Шнеерсон (будущий Любавичский Ребе) и его супруга ребецин Хая-Мушка вместе с миллионами других беженцев вынуждены были покинуть свой дом из-за вспыхнувшей войны и отправиться на поиски более безопасного места. Из Берлина они переехали в Париж, а после оккупации Парижа на одном из последних поездов – в Виши.

Тем временем, на другом берегу Атлантического океана, в США тесть рабби Менахем-Мендла, рабби Йосеф-Ицхак Шнеерсон (Шестой Любавичский Ребе), не жалел сил, чтобы вытащить из огня войны дочь с мужем.

После бесчисленного количества телефонных звонков, телеграмм и месяцев напряженной работы все необходимые бумаги были получены. Казалось, еще немного – и война останется далеко позади. Но вдруг, незадолго до посадки рабби Менахем-Мендл получил телеграмму из Америки от своего тестя: «Не отправляйтесь на этом корабле». Рабби Менахем-Мендл, не колеблясь ни секунды, отменил рейс и стал ждать следующего. Вскоре стало известно, что корабль был подбит и потоплен немецкой подводной лодкой.

Будущему Ребе и его супруге удалось покинуть военную Европу на португальском корабле «Серпа Пинто».

-2-

Судно «Серпа Пинто» было арендовано американской организацией «Джойнт» в 1939 г. для спасения евреев Европы. За несколько рейсов корабль переправил к берегам Америки несколько тысяч еврейских беженцев.

В нью-йоркских архивах «Джойнта» находятся списки всех пассажиров «Серпа Пинто». И хотя рабби Менахем-Мендл и ребецин Хая-Мушка были в числе пассажиров первого рейса (июнь 1941 г.), дотошные историки не найдут их имен ни в одном из списков.

Один из хасидов Шестого Любавичского Ребе рабби Мордехай Быстрицкий, проживающий к тому времени в США, купил билеты для своих тестя и тещи рабби Леви и ребецин Рухамы Легвинов, которые жили в Антверпене. Плыть, как и многие их собратья, они должны были из нейтральной Португалии. Португальское посольство, однако, по какой-то причине отказало им в транзитной визе, и они вынуждены были остаться. Зная о трудностях, с какими столкнулись дочь и зять Ребе, пытаясь покинуть Европу, рабби Быстрицкий предложил отправить им неиспользованные билеты. Ребе согласился на это предложение, но отказался принимать билеты как подарок, заплатив за них полную цену. В Нисане 5701 (1941) г. были получены американские визы, а спустя два месяца рабби Менахем-Мендл и ребецин Хая-Мушка поднялись на борт корабля.

-3-

Тех, кому удавалось добыть билеты на корабли, пересекающие в те дни Атлантический океан, трудно было назвать счастливыми. Даже погрузившись на борт и провожая глазами удаляющийся берег, они не чувствовали себя в полной безопасности. Американский флот не мог должным образом обеспечить защиту восточного побережья своей страны.

Атлантический океан буквально кишел немецкими субмаринами. В любое мгновение в дно судна могла врезаться смертоносная торпеда. Война только начиналась, а подводные снайперы уже отправили ко дну более пятисот кораблей с беженцами.

Капитан «Серпа Пинта» Де Сантос вопреки всем опасностям продолжал выполнять порученную ему миссию. Б-г хранил этого смелого человека, хотя тот не раз подвергался обстрелу и даже арестам.

Первый свой спасательный рейс, как уже было сказано, португальский корабль совершил в 1941 г. и доставил к берегам Америки порядка 600 беженцев. В феврале 1942 г. «Серпа Пинта» вновь бросил якорь в нью-йоркском порту. На этот раз на американский берег сошли еще 300 человек. Затем последовали три рейса в Филадельфию, в результате которых спасены были в общей сложности еще около 700 человек.

Последний рейс «Серпа Пинто» совершил уже в конце войны, в мае 1944 г. Именно он оказался наиболее опасным.

- 4 -

Немецкий морской патруль задержал корабль на полпути, глубокой ночью. Капитан Де Сантос без лишних объяснений был арестован. Изъяли также список пассажиров и все паспорта. В случае сопротивления или неповиновения капитан подлодки пригрозил отправить судно ко дну. Повод для задержки был неясен, зато намерения – очевидны. Арестованному капитану удалось отправить сообщение своему помощнику, что через двадцать минут судно собираются уничтожить. Началась поспешная эвакуация, и вскоре спасательные шлюпки были забиты до отказа. Подводная лодка медленно двигалась вокруг них. Несколько человек, одетые в офицерскую форму, тщательно проверяли пассажиров каждой шлюпки. Никто не знал, кого они ищут. После пяти часов напряженного ожидания был арестован помощник капитана.

Вскоре после этого капитан субмарины объявил через громкоговоритель, что ждет инструкций из Берлина относительно дальнейшей судьбы задержанного корабля. Выбор, как можно догадаться, был небольшим – либо отправить судно ко дну, либо позволить ему продолжить плавание. Шлюпкам было приказано держаться возле корабля.

Тянулись минуты и часы, начинало светать. Измученные, обессиленные от бессонной ночи пассажиры полудремали в шлюпках. В 8 утра пришло сообщение из Берлина – отпустить корабль. Капитан «Серпа Пинта» вместе с помощником вернулись на борт, паспорта и билеты были возвращены, хотя список пассажиров немцы оставили у себя. Для чего он им понадобился – так и осталось загадкой.

Посадка продолжалась до полудня, после чего корабль продолжил плавание.

- 5 -

Десятилетия спустя рабби Менахем-Мендл Шнеерсон, тогда уже Ребе тысячи евреев, получит письмо (в числе сотен других) от человека, который пережил Катастрофу: «Как мог Всевышний позволить такому произойти?!...» Ребе ответит в свойственной ему манере – мягко, спокойно и с любовью – что только Всевышнему известен ответ на этот вопрос и продолжит: «...Несмотря на отсутствие удовлетворяющего ответа человек может - и должен - продолжать жить осмысленной, плодотворной жизнью, строя мир справедливости и добра, где не будет больше места ни для катастроф, ни для человеческой ненависти и вражды вообще...»

Ребе разовьет эту мысль, пытаясь укрепить веру в сердце своего корреспондента, и лишь в самом конце письма добавит: «Можно, конечно, возразить: «Ему легко давать «интеллектуальные» объяснения! Ведь его Катастрофа не коснулась!» Мне поэтому следует добавить, что я также потерял в Катастрофе очень дорогих и близких мне людей – бабушку, братьев и сестер (да отмстит Всевышний за их гибель). Но жизнь, согласно Б-жественному замыслу, должна идти вперед. Ведь рост – символ жизни...» Будучи человеком скромным, Ребе ни полсловом не обмолвится о своем с супругой «летнем путешествии» 1941 г. через кишаший немецкими подводными лодками Атлантический океан и о смертельной опасности, которой они подвергались.

Особые даты месяца Тамуз

3 ТАМУЗА 5687 (1927) г. – начало Освобождения Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона из тюрьмы Шпалерная

12 ТАМУЗА 5640 (1880) г. – день рождения Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона

12-13 ТАМУЗА 5687 (1927) г. – Праздник Освобождения, окончательное освобождение из тюрьмы Шпалерная и костромской ссылки Предыдущего Любавичского Ребе

15 ТАМУЗА 5717 (1957) и 5720 (1960) г.г., 16 Тамуза 5716 (1956) г. – Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон посещает детские летние лагеря «Ган Исроэль» и «Эмуна», расположенные на севере штата Нью-Йорк

19 ТАМУЗА 5618 (1858) г. – день рождения рабби Шнеур-Залман-Аарона (Разо), старшего сына Четвертого Любавичского Ребе Шмуэля (Ребе Махараш)

26 ТАМУЗА 5519 (1759) г. – победа рабби Исроэля Баал-Шем-Това в диспуте с последователями Якова Франка («франкистами») во Львове

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ДНЕЙ, четыре часа и пятнадцать минут

Легких судеб у Любавичских Ребе никогда не было. Главам ХАБАДА приходилось противостоять и махровому антисемитизму с его погромами и бесконечными антиеврейскими указами, и изощренному «просветительству» с его выхолощенной Торой и «разумным» соблюдением заповедей. Но вот чтобы так, в открытую столкнуться лицом к лицу с воинствующим безбожием... Такое испытание выпало на долю Шестого Ребе ХАБАДА рабби Йосеф-Ицхака Шнеерсона.

15 Сивана, ночью Ребе был арестован ГПУ, обвинен в «деятельности против советского государства» и приговорен к расстрелу. Благодаря упорной борьбе и по великой милости Всевышнего смертный приговор был заменен десятилетней ссылкой на Соловки, затем — трехлетней ссылкой в Кострому, а 12 Тамуза, в день своего 47-летия, Ребе был полностью освобожден.

И хотя физически здоровье и силы Ребе были подорваны, дух его остался несломленным. Из этой борьбы Ребе вышел победителем.

«...Арест 5687 (1927) года — седьмой по счету, ибо меня пять раз арестовывали при старом режиме и дважды — при новой власти...» — пишет рабби Йосеф-Ицхак в одном из своих писем.

«...Впервые я был арестован в Любавичах, когда мне было всего одиннадцать лет. Год спустя, по совету и указанию моего учителя, я начал записывать свои воспоминания и отметил это происшествие.

Второй арест в Любавичах — Ияр 5662 года (май 1902 г.) — стал результатом доноса учителей местной «просветительской» школы.

Третий арест — тоже в Любавичах, в Тевете 5666 года (январь 1906 г.) — явился следствием стычки местных сионистов с полицией.

Четвертый раз меня арестовали в Петербурге, в Тевет 5670 года (декабрь 1909 г. — январь 1910 г.), по доносу еврея-просвещенца.

Пятый арест, уже — в Петрограде, произошел в Швате 5676 года (январь-февраль 1916 г.), как результат моих попыток освободить — на законном основании — раввинов, меламедов и шойхетов от службы в царской армии.

Шестой арест, в Ростове-на-Дону, в Тамузе 5680 года (июнь-июль 1920 г.) последовал за доносом главы местной евсекции.

Однако все эти аресты были кратковременными и длились по несколько часов. И лишь седьмой оказался самым продолжительным.

...Не погрешу против истины, если скажу — воспоминания о последнем аресте порой приятны для меня. И подтверждается это тем, что, хотя с тех пор минуло семь лет, временами я уединяюсь, чтобы возродить в памяти слова и видения, которые слышал либо видел наяву и во сне в те дни.

Жизнь человека — это последовательность временных вех: детство, отрочество, молодость, зрелость и старость. Человек наделен способностями, порой средними, порой незаурядными и яркими; люди отличаются характерами: одни застенчивы и меланхоличны, другие, наоборот, общительны и жизнерадостны. Кроме всего этого, по воле Провидения есть периоды в жизни человека, зачастую изменяющие его характер и поразительно развивающие его способности, что поднимает личность на более высокую ступень, помогает задуматься о цели своей жизни.

Наиболее плодотворный период в процессе формирования характера человека и развития его способностей — это время, наполненное страданиями, которые приходится испытывать, отстаивая свои идеалы. Особенно, если речь идет о борьбе с теми, кто преследует нашу веру.

Такие моменты, когда страдает и тело, и душа, зачастую насыщены впечатлениями. Как это парадоксально ни звучит, но они же и есть наиболее светлые моменты в жизни человека.

Все, что произошло со мной в тот период, занимает не менее важное и почетное место в моих воспоминаниях, чем все последующее. Даже арест и пребывание в тюрьме послужили для меня источником большого духовного подъема, и поэтому на шкале времени стоит особо отметить не только дни и ночи, но даже часы и минуты. Ибо каждый час и каждое мгновение страданий от истязаний и причиненных мук приносят такую необычайную пользу и порождают такую безграничную стойкость, что даже слабый становится героем.

Последнее заключение началось в два часа сорок пять минут, в ночь со вторника на среду, 15 Сивана 5687 (15 июня 1927) г., и завершилось в воскресенье днем, в половину второго, 3 Тамуза (3 июля), в Ленинграде.

Восемнадцать дней, одиннадцать часов и пятнадцать минут.

В этот же день, в половину девятого вечера, проведя перед этим около шести часов дома, я сел на поезд, который отправлялся в Кострому. Прибыл я туда на следующий день, в понедельник, 4 Тамуза, и оставался в ссылке до среды, до половины второго дня, 13 Тамуза.

Девять дней и семнадцать часов...

¹ См. «Мальчик под арестом», с. 22

ПРОСТО ИДТИ ВПЕРЕД

СВОБОДНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ БЕСЕДЫ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ МЕНАХЕМ-МЕНДЛА ШНЕЕРСОНА ОТ 10 ШВАТА 5716 (1956) Г.

-1-

...Множество чудес явил Всевышний еврейскому народу во время Исхода из Египта. И все же, оказавшись у берега моря, люди остановились. Куда идти дальше? Мелькнула мысль вернуться обратно. Но путь к отступлению тоже был отрезан. Египетские солдаты, отправленные фараоном, двигались с молниеносной быстротой и вот-вот должны были настичь дерзких беглецов. Ситуация была не из легких. Впереди – морская бездна, позади – шум боевых колесниц. Спор разделил людей на четыре группы. Первая предлагала выбрать нового лидера, чтобы вернуться в Египет и добровольно сдаться в плен. Вторая, более решительная, призывала к оружию. Третья предлагала совершить маневр и скрыться в пустыне. Представители четвертой группы убеждали, что лучший выход – это броситься в море и там погибнуть. Лишь Нахшон бен Аминадав, глава колена Йегуды, в отличие от всех своих собратьев не стал ничего предлагать, а просто вошел в воду. И в тот момент, когда волны уже почти накрывали его с головой, Всевышний приказал морю расступиться.

Невольно возникает вопрос. Как же мог Нахшон бен Аминадав так бездумно пренебречь своей жизнью? Или он полагался исключительно на чудо?

Говоря прямо, поступок Нахшона не вполне соответствовал Закону. Сыны Израиля до дарования Торы имели статус «сынов Ноаха», а вопрос, обязан ли «сын Ноаха» проявлять самопожертвование, является предметом дискуссии между многими авторитетными раввинами и по сей день.

«Сыны Ноаха» (народы мира) не обязаны исполнять заповедь о самопожертвовании. Более того, они просто не имеют на это права. Ведь по отношению к тому, кто проявляет самопожертвование, вступает в силу запрет кровопролития: так же, как ему запрещается проливать кровь другого человека, ему запрещается проливать собственную кровь. Следовательно, Нахшон бен Аминадав не должен был делать того, что сделал. Кроме того, Нахшон бен Аминадав мог вполне законно положиться на мнение большинства и выбрать менее опасный для жизни вариант спасения. Выходит, что его поступок можно действительно назвать абсурдным. Он бездумно рискнул своей жизнью и – более того – подал пример остальным!

Но так ли это?

Поступком Нахшона бен Аминадава вряд ли руководило слепое безрассудство или надежда на чудесное спасение. Не были его действия рассчитаны и на зрительский эффект. Нахшон знал, что Всевышний вывел сынов Израиля из Египта исключительно ради того, чтобы привести их к горе Синай и вручить им Тору. Он также знал, что в достижении этой цели не помогут ни добровольная капитуляция, ни решительное сражение, ни хитроумное бегство. Движение вперед было единственно верным средством. И Нахшон бен Аминадав просто продолжил свой путь.

-2-

Ситуация, в которой оказались евреи перед рассечением моря, – урок для всех поколений во все времена. Более того, она служит указанием для той работы, которую с постоянной готовностью к самопожертвованию вел Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак, и исполнение которой требуется от всех нас.

Сразу же после того, как Ребе принял на себя руководство движением ХАБАД, он начал свою святую работу. Это было время, когда в России бесчинствовали большевики. Принять тогда на себя миссию по распространению знаний Торы (и, в частности, учения хасидизма – «сокровенной Торы») и исполнение хасидских заповедей означало открыто выступить против порядков, принятых в государстве.

Такая работа противоречила, казалось, и законам природы: ведь для ее исполнения необходимо было в самом буквальном смысле жертвовать и душой, и телом. Но именно такой решимости – ни больше и ни меньше – Ребе требовал от тех, кто шел его дорогой.

Конечно, согласно Закону, ни один еврей не имеет права требовать самопожертвования от другого еврея. Можно требовать от своего ближнего исполнения всех остальных заповедей, но нельзя требовать от него сознательного поиска возможности пожертвовать собой!

Все это верно, но применимо к той ситуации, когда не чувствуют, что поручена миссия Свыше. Совсем другое дело, когда имеет место сказанное о Моше-рабейну: «Всевышний говорит его устами».

-3-

В одной из своих работ Предыдущий Ребе сравнивает самопожертвование рабби Акивы с готовностью к самопожертвованию нашего праотца Авраама.

Рабби Акива буквально горел желанием пожертвовать собой во имя Всевышнего. «Когда же это придет мне в руки, и я осуществлю?..» – часто повторял он. В противоположность рабби Акиве, у нашего праотца Авраама готовность к самопожертвованию не была неким отдельным этапом в служении Всевышнему. Свою задачу Авраам видел в том, чтобы как можно шире распространять в мире знание о едином Творце Вселенной, чтобы как можно больше людей поняли, что Б-г и мир не существуют отдельно друг от друга, но что мир – это и есть Б-г, что они составляют единое целое, и кроме Б-га ничего больше нет. В этом заключалось служение Авраама. Он не искал случая пожертвовать собой, но он всегда был готов к самопожертвованию.

Так же вел себя Ребе. Он не гнался за возможностью пожертвовать собой, не это было его целью. Он стремился как можно шире распространять Тору и заповеди. Это было его делом, и ради его исполнения он не останавливался ни перед чем, в том числе и перед необходимостью пожертвовать собой.

Само собой разумеется, что Ребе не занимался никакими расчетами и исследованиями: следует ли, согласно Закону, проявлять самопожертвование в данном случае или нет. Он просто делал свою работу, и ничто не могло его остановить.

По той же причине Ребе не считался с различными партиями и течениями, великое множество которых существовало вокруг. Он не слушал никаких претензий и доводов. Ребе знал одно: чтобы достичь горы Синай, необходимо идти вперед.

И он шел вперед.

ПО НОВОМУ КРЫЛЬЦУ

через окно

ЭЗРА ХОВКИН
(из книги «НЕПОКОРИВШИЙСЯ»)

...Год 1902-й. Будущие схватки только снятся России. Но фигуры уже расставлены, и делаются наудачу первые ходы: летят бомбы в министров и вообще в людей. В ответ — как полотно рвут — сухой треск солдатских выстрелов... В этой надвигающейся буре у Любавичских Ребе своя партия: за евреев, за Б-га. Они — ни с кем. Они с Творцом, чтобы мир стоял.

В цветущий день, когда ученики «Томхей-Тмимим», отвернувшись от яблонь за окном, грызли логику Талмуда, в йешиве появилась полицейская процессия: пристав, урядник и трое городских. Люди местные, склонные к переговорам, однако в тот день лежала на их лицах траурная важность губернской воли. Пришел приказ немедленно закрыть йешиву как «несоответствующую»... На этом слове пристав споткнулся, мысль развивать дальше не стал, а перешел к вещам конкретным: ученики должны немедленно покинуть зал, окна затворить, на дверь — замок и царскую печать. Ее, печать эту, нужно беречь как зеницу ока: ежели кто сорвет ее, по баловству или злой воле, то дело будет выглядеть как бунт против царя.

Полицейские, жуя усы, смотрели благостно, как закрывают евреи ихние талмуды, кладут их в шкафы и очищают от себя помещение.

Йосеф-Ицхак (будущий Шестой Ребе ХАБАДа, а тогда — двадцатидвух-летний руководитель йешивы) с отцом (Пятым Любавичским Ребе Шолом-Довбером) и семьей находился в это время на даче. У них шло совещание, третье по счету за день, о положении дел в йешиве — учебных, финансовых, всяких. Пятнадцать уважаемых евреев, членов совета йешивы, сидели рядом с Ребе за столом и обменивались мнениями, делали сообщения. И вдруг гонец приносит весть: йешива закрыта. Члены совета пришли в волнение, но Ребе Шолом-Довбер отозвался спокойно:

— Так всегда бывает, когда Тору учат в чистоте и святости: другая сторона этого мира противодействует всеми возможными способами. Нельзя обращать на это внимание. За заслуги наших святых предков, глав ХАБАДа, йешива будет существовать и дальше. И, по милости Всевышнего, число учеников увеличится втрое и даже впятеро. Ни на волосок не дам я отклониться от того пути, по которому мы идем и ведем учеников. Наши тмимим будут мощной опорой для всего еврейского народа — на несколько поколений вперед, до прихода Мошиаха...

Слова Ребе, как всегда, подействовали.

Было принято два решения:

1. Брат Ребе, рабби Менахем-Мендл, и один из хасидов, ребе Шмуэль Трайнин, поедут в Могилев выяснять отношения с властями.

2. Йосеф-Ицхак отправится в Любавичи, успокоит учеников и сделает так, чтобы занятия, несмотря на запрет, продолжались без помех, как положено.

Порученную ему задачу молодой директор йешивы решил философски и легко: плотнику Якову было наказано пристроить ступеньки, ведущие в одно из окон помещения, а изнутри другие, по которым можно спуститься вниз.

Наутро, еще до зари, первые ученики обновили новое крыльцо, придя на урок по хасидизму перед молитвой. А в семь утра йешива, как всегда, была полна до отказа. Царскую печать на входной двери Йосеф-Ицхак распорядился прикрыть железным корытом — для сохранности.

В тот же день он получил телеграмму: делегация хлопотала в Могилеве успешно, приказ о закрытии йешивы был отменен, и полицию уведомят об этом сегодня или завтра.

В ясный полдень, неся на лицах свет губернского прощения и милости, пристав с урядниками появились у йешивы и торжественно сняли царскую печать. Они сообщили Йосеф-Ицхаку, что занятия в йешиве дозволено продолжать. Войдя ненароком в зал, полиция обомлела, увидев, что евреи и так на местах, талмуды все открыты...

Пристав спросил:

— Как прикажете понять это?!

Ему ответили:

— Директор, когда приехал с дачи, испугался, что кто-то может сломать государственную печать и тогда у него будут неприятности. Так он распорядился, чтобы мы сторожили ее изнутри...

В те времена, как и сейчас, для службы в полиции не требовалось чувства юмора. Пристав сказал:

— Печать беречь — это похвально. Но то, что вы без дозволения в окно залезли, об этом будет составлен протокол, и ваш директор мне его подпишет...

Купец второй гильдии, потомственный почетный гражданин Шнеерсон, конечно же, поставил требуемую подпись. И полетело полицейское письмо в губернский город Могилев. Но там уже скопилось на этого почетного гражданина столько доносов, что еще один ничего уже не прибавил...

КАПИТАН КОРАБЛЯ «ПРЕТОРИЯ»

Еврейская жизнь в Претории была... Хотя нет. Ее – не было. Совсем не было. В соседнем (всего 50 км) Йоханнесбурге она была ключом, тамошняя община процветала, а вот у нас... И хотя по числу еврейских семей Претория не отставала от Йоханнесбурга, члены этих семей как-то не особенно стремились проявлять свое рвение в еврейском вопросе. Зато у нас (дело было в 70-е) вовсю бушевали страсти вокруг законов об апартеиде. И местные евреи принимали в дебатах самое активное участие.

Зимой 1972 г. мы с мужем впервые переступили порог кабинета Ребе. Это была наша первая встреча. «Не больше пяти минут», – твердо предупредил нас секретарь.

Два серьезных вопроса беспокоили моего мужа. Он заранее изложил их письменно и уже в кабинете вручил записку Ребе. Ребе быстро пробежал глазами содержание, сделал несколько пометок. Первый вопрос касался «апартеидных страстей». «Какой позиции, как раввину-ортодоксу, мне следует придерживаться? – спрашивал муж. – Должен ли я противостоять расовой изоляции и в полный голос выражать свою нетерпимость?..»

«Такому явлению как апартеид, – начал Ребе, – нет и не может быть, разумеется, никаких оправданий. Но, как мне кажется, главное внимание вам следует уделить вашей общине. Слишком много скопилось проблем...»

И Ребе привел замечательный пример: «Представьте, что горит город. Все дома – под угрозой уничтожения. Что надлежит делать в первую очередь?.. потушить пожар в собственном доме и лишь потом – помогать другим».

Ребе выдержал паузу. «Ваша община пылает! – чуть повысив голос произнес он. – Ассимиляция, смешанные браки, наркотики, отсутствие серьезных еврейских школ... У вас, как у раввина, столько работы! Тушите пожар в собственном доме».

Второй вопрос касался нашей предлагаемой репатриации. Почти двадцать лет мы прожили в Претории. У нас уже подрастали дети. Нам, как воздуха, не хватало настоящего еврейского окружения и, соответственно, общения. Вот мы и подумали, что с переездом в Эрец-Исраэль эта проблема решится.

Мы ожидали прямого ответа или указания – что-то вроде «да, обязательно поезжайте». Мы даже были подсознательно готовы к ответу «ни в коем случае, даже не думайте». Но Ребе проявил удивительную чуткость и деликатность. «На протяжении этих двух десятков лет у вас

ГИЛА КАЦ

Главный раввин Претории, некогда армейский раввин, а потом – официальный раввин всей тюремной системы Южно-Африканской Республики Шабтай Кац на протяжении нескольких десятков лет поддерживал связь с Любавичским Ребе. Наши читатели уже знакомы с историей о том, как раввину Кацу – «с подачи» Ребе – удалось добиться разрешения властей для заключения евреев зажигать в тюрьмах ханукальные свечи (см. «Свет Мошиаха», № 1, «Нью-Йорк не хуже Претории»). Были и другие поручения от Ребе, за которые раввин Кац брался с энтузиазмом и обязательно добивался успеха. О том, как все это начиналось, рассказывает его жена Гила Кац.

с властями сложились вполне дружелюбные отношения, – сказал Ребе. – С вашими связями вы сможете столько сделать во благо вашей общины!..» – и Ребе чуть ли не по пунктам изложил план наших будущих действий.

Уже давно истекли отпущенные нам пять минут, и даже секретарь несколько раз приоткрывал дверь, чтобы напомнить нам о регламенте встречи. Ребе же продолжал беседовать с нами, обсуждая трудности еврейской жизни в Претории с таким знанием дела, словно он лично только что оттуда приехал. Неожиданно Ребе обратился ко мне: «Не мне вам рассказывать, что такое – жертвовать многим ради еврейства. Когда ваших детей приглашают на день рождения их сверстники, а они, придя к ним, не могут участвовать в застолье. Когда вашего сына друзья зовут играть в футбол, а он должен идти в йешиву. Вот это и значит – жертвовать многим ради еврейства».

Ребе не убеждал нас, не агитировал, не увещевал. «Капитан покидает корабль последним, – произнес Ребе и улыбнулся: – Говорю со знанием дела. Я ведь когда-то работал на морской флот», – после чего посерьезнел и добавил: «Уехав в Священную Землю, вы, конечно же, спасете самих себя. Но бросьте тех, кто остался, на произвол судьбы. Если же вы останетесь и возьмете на себя заботу о других евреях, то Всевышний позаботится и о вас, и о ваших детях».

«Вы сейчас имеете дело с армией, – сказал Ребе, намекая на нынешнюю должность моего мужа – позицию армейского раввина при военном штабе Претории, – и знаете о том, что у солдат должен быть командир, без которого нет порядка и дисциплины».

Я видела, насколько тронут был мой муж словами Ребе. «В армии, – заговорил он, – есть генералы и есть рядовые. Вторые должны безоговорочно подчиняться первым». Голос моего мужа дрогнул: «Ребе – мой генерал. Я всецело подчиняюсь Ребе и сделаю все, что Ребе прикажет».

Реакция Ребе была мгновенной: «Нет, нет. О приказах и речи быть не может! Я не хочу, чтобы вы отбывали повинность. Я хочу, чтобы вы выполняли свою работу осознанно».

Пятиминутный визит, превратившийся в сорокаминутную беседу, подошел к концу. Ребе пожелал нам успехов, благословил нас. Мы поднялись, чтобы уходить. Уже в дверях Ребе остановил нас: «Пожалуйста, прошу вас, не забывайте – ни в коем случае как повинность. Только осознанно, – и добавил: – И обязательно – с любовью...»

СВЕТ И РАДОСТЬ

(О ПРОБЛЕМАХ БААЛЕЙ-ТШУВА)

Д-Р ШЛОМО РОЗЕНБЕРГ

На лице милиционера, рассматривающего молитвенник, — сильнейшее недоумение.

- Кто вы по профессии?
- Математик.
- Ничего не понимаю. Математик — и молитвенник?!

Такой вот разговор состоялся у меня лет двадцать назад. Должен сказать - к чести советского блюстителя порядка, - что в те годы реакция родных и близких на известие о том, что их родственник и друг, которого они привыкли считать нормальным человеком, вдруг ушел в религию, обычно бывала гораздо более резкой.

В наше время, слава Б-гу, уже не так поражает феномен *баалей-тшува* (*баал-тшува* — в ед. числе). Это словосочетание обычно переводят как «раскаившиеся грешники», хотя более точным, пусть и многословным, было бы определение «находящиеся в процессе возвращения к Б-гу».

Можно предположить, что евреи, ставшие на этот путь сегодня, уже не встречают столь сильное сопротивление со стороны своего ближайшего окружения, как это было в годы разгула антирелигиозного мракобесия. Но значит ли это, что *тшува* (буквально - возвращение к традициям) как процесс протекает теперь гладко и безболезненно, без особых проблем? Наоборот! Это в прежнем, «дотшувном» существовании нас не мучили настоящие еврейские проблемы. К еврею, принявшему решение стать *эрлихер ид* (набожным), все они только подступают. Я имею в виду не только и не столько проблемы социальные, связанные с его взаимоотношениями с внешней средой, сколько чисто внутренние, духовные, возникающие при его первых попытках общения со Всевышним, которому он теперь служит.

К огромному сожалению, проблемы такого рода нечасто освещаются религиозными русскоязычными изданиями. По пальцам можно пересчитать произведения этого необычного жанра. Книга «Восемнадцать» издательства «Шамир», автобиографическая повесть «Возвращение» профессора Брановера, рассказы и повести Эли Люксембурга, повесть Эстер Кей «Эстер», сборник миниатюр Александра Гольдберга «Путь к себе», - и, пожалуй, все. Можно, правда, еще добавить к этому списку статьи раввина Адина Штейнзальца, где уделяется большое внимание духовным поискам *баалей-тшува*. Но, согласитесь, перечень не велик. А ведь, уверен, у каждого из нас - тех, кто по тем или иным причинам вернулся на путь Торы и заповедей, - есть что поведать миру.

Вернемся, однако, к нашим *баалей-тшува*. Итак, тех, кто избрал возвращение, ждут бесчисленные испытания. Для многих склонных к восторженности неопитов это может оказаться неожиданным и мучительным. Принявший на себя бремя исполнения заповедей ожидает коренных изменений в своей жизни. Он надеется немедленно стать совершенно другим человеком, как бы родившимся заново, и если в прошлом все его существование протекало в беспросветном мраке, отныне оно будет наполнено ослепительно ярким Б-жественным светом. «Почему же, - недоумевает он, - именно теперь, когда я уже охотно выполняю волю Создателя, на моем пути возникают преграды?»

Ответ на этот вопрос прост: можно сказать, что Сам Всевышний испытывает нас на прочность с целью выяснить — достойны ли мы служить Ему. Наша задача — преодолеть кажущиеся непреодолимыми препятствия и увидеть за ними тот самый свет, к которому мы стремимся. Как сказано в Торе («Шмот», 20:18): «...И приблизился Моше к той мгле, в которой скрывался Всевышний». Мы представляем себе Творца как Источник света, но не всегда догадываемся, что искать этот Источник следует именно там, где для Него, вроде бы, нет места, - во тьме.

Еврейская традиция часто уподобляет величайшее событие в истории человечества, дарование Торы у горы Синай, брачной церемонии между женихом - Всевышним и невестой - народом Израиля. Американский раввин, лектор, автор многих книг, посвященных еврейскому дому, Манис Фридман подчеркивает, что и вся дальнейшая история союза Создателя с еврейским народом напоминает взаимоотношения супружеской пары после свадьбы. И если Израиль принял Тору (которую, кстати, сравнивают с брачным контрактом (*ктуба*)) с огромным воодушевлением, впоследствии между ним и Всевышним не раз случалось «охлаждение отношений», что зачастую встречается в совместной жизни супругов.

Наши мудрецы говорят, что жизнь каждого еврея отражает последовательность событий в истории всего народа. *Тшува* человека, только что возобновившего союз с Творцом, заключенный на Синае, сопровождается обычно неподдельным энтузиазмом, радостью, восторгом. Со временем *баал-тшува* открывает для себя, что эти чувства необычайно трудно сохранить при ежедневном выполнении одних и тех же заповедей. «Любовная лодка» грозит «разбиться о быт». Каждый день от него требуется совершать одни и те же действия: облачаться в *талит*, возлагать *тфиллин*, ежедневно читать одни и те же молитвы. Все это, вызвавшее у него поначалу бурю эмоций, постепенно становится чуть ли не обыденностью. В конце концов, человек начинает произносить слова молитв, совершенно не задумываясь над их смыслом, автоматически. Голова при этом полна каких угодно мыслей, только не мыслей о Б-жественном.

(Рассказывают, что после окончания утренней молитвы рабби Леви-Ицхак из Бердичева подошел к одному из членов общины, лесопромышленнику. Тот по своим торговым делам часто бывал в крупных городах Европы и всецело был поглощен коммерцией. Подойдя к нему, Ребе стал приветствовать его, как обычно приветствуют человека, вернувшегося из дальних странствий. «Ребе, - удивленно сказал тот, - но я же никуда не уезжал!». «Как же так? - возразил Ребе. - Вы только что вернулись из деловой поездки в Данциг!»)

Такого ли выполнения заповедей требует от нас Тора? Вопрос не так прост, как кажется, ибо как ее толкование, так и выполнение ее заповедей возможно на разных уровнях. В большинстве случаев формальное выполнение заповедей засчитывается. И все же...

В главе «Ки таво» последней книги Пятикнижия, «Дварим», есть место, от которого буквально кровь стынет в жилах: там перечисляются 98 наказаний, следующих за нарушение заповедей Торы. Перечисляя проклятия, Тора говорит (28:45, 47): «И падут на тебя все проклятия эти... поскольку не служил ты Господу, Богу твоему с радостью и весельем в сердце, когда было у тебя изобилие во всем». Эту фразу можно истолковать двояко. Если считать, что слова «с радостью и весельем в сердце» относятся к концу фразы (то есть, если причиной радости было изобилие), то смысл будет таков: эти проклятия постигли тебя за то, что ты пренебрегал заповедями Торы, хотя жил благополучно и имел все возможности их выполнять. Если же отнести их к началу фразы, ты мы получим второе толкование, принадлежащее рабби Ицхаку Лурии из Цфата, величайшему из мудрецов Торы прошлого: все эти проклятия постигли тебя за то, что ты не служил Б-гу с радостью!

Все это может звучать неутешительно для *баалей-тшува*, поскольку мы еще очень далеки от этого идеала — постоянного выполнения заповедей с радостью. Но тот же раввин Штейнзальц, например, указывает на то, что *баалей-тшува* — это совершенно особая категория людей, к которым Творец предъявляет повышенные требования и которые в то же время пользуются Его особой поддержкой.

Не существует готового рецепта, как достичь постоянного ощущения вкуса и новизны при ежедневном исполнении заповедей. К этому нужно стремиться, прилагая огромные усилия, - возможно даже всю жизнь. И все же стоит упомянуть, что в иудаизме существуют целые системы медитации, помогающие достичь высокой степени сосредоточенности при выполнении заповедей. Вот лишь небольшой пример:

«Властелин мира! В Своей великой милости Ты удостоил меня чести принадлежать к народу Израиля и постоянно выполнять множество великих заповедей: облачаться в *талит*, возлагать *тфиллин*, читать молитву «Шма», соблюдать предписанный по субботам и праздникам покой, слушать *шофар* в Рош-а-Шана, поститься в Йом-Кипур, жить в *сукке* и брать в руки четыре вида растений в праздник Суккот, есть мацу в Песах - и остальные заповеди Твои, которые мы, Твой святой народ, выполняем постоянно - даже самый легкомысленный из нас... Вот - даже меня Ты удостоиваешь чести выполнить несколько заповедей каждый день, давая мне повод для великой радости! И я не должен печалиться из-за того, что недостойно грешен. Наоборот! Мне следует радоваться, что такому низкому существу, как я, дарована привилегия иметь дело с такой возвышенной материей, как Твои заповеди».

КОРНИ

МЕНАХЕМ БЫСТРИЦКИЙ

- 1 -

Рабби Яков-Йосеф из Полонного был одним из первых и самых ближайших учеников рабби Исроэля Баал-Шем-Това. Благодаря составленным им книгам («Толдос Яков», «Бен Порас Йосеф», «Цафнас Паанеах», «Ксоннес Пасим») мы знакомы сейчас с учениями Баал-Шем-Това, которые тот сам не записывал. Рабби Яков-Йосеф, однако, не всегда принадлежал к кругу приверженцев хасидизма. Потомок кабаллиста рабби Шимшо-на из Острополя с одной стороны и знаменитого рабби Йом-Това-Липмана Геллера с другой, рабби Яков-Йосеф сам по себе считался авторитетом среди ученых Торы и знатоков Талмуда. Никаких логических причин для того, чтобы стать учеником Баал-Шем-Това и полностью изменить свой образ жизни, у рабби Яков-Йосефа не было...

Все началось со свадебного приглашения. У одного из учеников рабби Яков-Йосефа должна была в Меджибуже состояться свадьба. Его отец, примкнувший не так давно к окружению Баал-Шем-Това, пригласил, разумеется, и рабби Яков-Йосефа, который был раввином Полонного. Тот принял приглашение без особого энтузиазма. Терзала мысль, что придется отправиться в Меджибуж, город Баал-Шем-Това, и еще ради этого оставить изучение Торы. Не присутствовать, однако, на свадьбе своего ученика рабби Яков-Йосеф не мог. Он согласился, но при условии, что сопровождавшие его, - ни отец жениха, ни сам жених, - прибыв в Меджибуж, не пойдут к Баал-Шем-Тову. Те скрепя сердце согласились.

Разумеется, слова своего сдержать они не смогли. Чем ближе оставалось до Меджибужа, тем учащеннее бились сердца жениха и его отца. Одна и та же мысль мучила их - быть в Меджибуже и не посетить Ребе? Не получить благословения перед свадьбой?..

По дороге процессия остановилась на постоялом дворе. Почувствовав, что его попутчики готовы нарушить обговоренное условие, рабби Яков-Йосеф отказался ехать дальше. «Я просил вас и вы обещали мне, - сказал он отцу жениха. - Сейчас вы свое слово нарушаете. Что ж, я остаюсь здесь. Жаль, конечно, потраченного времени, которое я мог провести за изучением Торы, но я постараюсь его наверстать...»

Отец жениха тщетно пытался уговорить рабби Яков-Йосефа продолжить путь. В конце концов, свадебная процессия отбыла, а рабби Яков-Йосеф остался.

Прибыв в Меджибуж, жених узнал, что свадьба пройдет, по распоряжению рабби Исроэля Баал-Шем-Това, в его синагоге. Родные и близкие жениха, услышав о таком неожиданном указании праведника, пришли в полный восторг...

- 2 -

...Оставшись один рабби Яков-Йосеф погрузился в размышления. Ради чего он проделал весь этот долгий путь? Чтобы, в конце концов, разочаровать своего ученика и омрачить ему праздник? Да и чего он в итоге добился? Все уехали на свадьбу, чтобы разделить радость жениха и невесты, он же остался здесь, один, в деревне, где кроме трактирщика, больше нет ни одного еврея!

Мысли опережали одна другую. Об учебе нечего было и думать. И после долгих раздумий рабби Яков-Йосеф принял решение - раз уж Всевышний увел его от дома так далеко, и сейчас он находится в двух шагах от Меджибужа, он обязан закончить свое путешествие. Более того, он лично посетит Баал-Шем-Това. В конце концов, ему предоставляется замечательная возможность развеять миф об этом якобы чудотворце и целителе! Он внимательно изучит поведение и привычки Баал-Шем-Това, а потом обсудит это со своими товарищами, как непосредственный очевидец!

Довольный принятым решением, рабби Яков-Йосеф немедленно отправился в путь...

- 3 -

...Свадьба была в самом разгаре. Рабби Яков-Йосеф, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания, подошел к синагоге через задний двор и остановился возле окна. Зал был ярко освещен и красиво убран. Гости сидели за праздничными столами. На почетном месте сидели жених и его отец. По другую сторону жениха сидел почтенного вида еврей. Это был сам рабби Исроэль Баал-Шем-Тов. Как только рабби Яков-Йосеф приблизился к окну, Баал-Шем-Тов встал. Гости притихли. Все поняли, что рабби Исроэль хочет что-то сказать. Рабби Яков-Йосеф удивленно отметил, что даже сквозь плотно закрытое окно он слышит каждое слово.

«Ваш раввин - замечательный человек, - услышал вдруг он и с еще большим удивлением понял, что речь идет о нем. - Он - большой знаток Торы и Талмуда, безупречно следует всем предписаниям Закона. Но, к сожалению, он допустил в жизни две ошибки, последствия которых вряд ли осознает сам».

Рабби Яков-Йосеф почувствовал, как часто забилося его сердце.

«...Однажды, в канун праздника Песах, - продолжал Баал-Шем-Тов, - раввин сидел в своей комнате и готовил предпраздничную проповедь, которую собирался произнести в Великую Субботу. Внезапно он почувствовал невыносимую жажду. Увидев в окне водоноса с полными ведрами, раввин поспешил на улицу. Водонос, казалось, не услышал просьбы раввина и продолжал идти своей дорогой. Раввин окликнул его еще раз и еще раз. Тот продолжал путь, не обращая ни малейшего внимания. Внезапная ярость охватила раввина, и он, нагнав водоноса, с размаху ударил его по лицу. «Когда раввин города зовет тебя, ты обязан остановиться!..» - выкрикнул он...»

Рабби Яков-Йосеф вцепился пальцами в раму окна и неотрывно смотрел на Баал-Шем-Това.

«...Раввин не знал, что водонос, которого он ударил, один из тридцати шести скрытых праведников. Он нес эту воду в пекарню, где должны были печь особую мацу, которую обычно пекут в канун праздника Песах. Все его мысли были заняты исключительно исполнением этой важной заповеди...»

«Откуда ему это известно? - подумал рабби Яков-Йосеф. - Неужели рассказы о Б-жественном наитии этого человека - правда? Не может этого быть!.. Наверное, сам водонос и рассказал ему эту историю!..»

- 4 -

Словно угадав мысли рабби Яков-Йосефа, Баал-Шем-Тов продолжил свой рассказ.

«...Это случилось в Тиша-Беав, после вечерней молитвы. Прихожане разошлись по домам, и только раввин остался в синагоге, чтобы еще раз прочесть книгу «Эйха Рабба», повествующую о страданиях нашего народа в эпоху разрушения Храма. Печаль и горечь переполняли его сердце, а пост совсем лишил раввина сил.

«Нельзя так истощать себя, - вдруг услышал он чей-то голос. - Здоровье следует беречь». Раввин открыл глаза. Возле него стоял незнакомый еврей благообразной наружности. «Достопочтенному рабби нужно подкрепить свои силы, - мягко произнес незнакомец. - Вы должны поесть или хотя бы попить». «Но сегодня Девятое Ава!» - удивленно воскликнул раввин. Тогда незнакомец заговорил. Он объяснял насколько важно беречь физическое здоровье тому, кто является главой общины и великим знатоком Торы. Даже в пост, говорил он, разрешается есть, если имеется прямая угроза здоровью и уж тем более - самой жизни... Раввин понимал, что слушать этого человека нельзя, и в то же время чувствовал, как слова одурманивают его сознание. «Я не могу сейчас будить мою жену и даже прислугу не хочу беспокоить», - предпринял раввин слабые попытки сопротивления. «Я с радостью прислужу вам», - ответил незнакомец, и в тот же миг неизвестно откуда в его руке появилось огромное блюдо, наполненное фруктами. Будто во сне, раввин потянулся за яблоком, произнес благословение и поднес плод ко рту... Вдруг словно пелена упала с его глаз. «Девятое Ава! Как можно?! Не иначе как сам Сатан пытается искушать меня в этот самый печальный для еврейского народа день!..» «Сгинь, нечистый!!!» - из последних сил закричал раввин, отбрасывая яблоко в сторону. Незнакомец мгновенно исчез. Исчезло блюдо с фруктами и упавшее яблоко...»

Рабби Яков-Йосеф почувствовал, что еще немного - и лишится чувств. Об этом постыдном эпизоде из его жизни не знала ни одна живая душа!..

- 5 -

«...Силы окончательно покинули раввина, - продолжал Баал-Шем-Тов, - и он прилег на лавку, чтобы немного вздремнуть. Мысль о том, что он произнес благословение впустую, не давал ему покоя. В конце концов, дремота одолела его, и он увидел удивительный сон.

Ему приснилось, будто он гуляет по чудесному саду среди великолепных плодовых деревьев. Раввин знал, что находится в своем собственном городе, но никак не мог припомнить, чтобы у кого-нибудь из жителей был такой красивый сад. «Кому же он принадлежит?» - подумал раввин и увидел садовника. «Послушайте, любезный, - окликнул он его. - Вы не скажете мне, чей это сад?» «Это сад раввина нашего города», - ответил садовник. «Но я и есть раввин города!» Садовник кивнул в знак согласия. «Откуда же у меня такая роскошь?»

«Этот сад и все что в нем, - произнес садовник, - возникли в результате благословения, которое вы прочитали впустую. Силы зла породили этот сад». Сердце раввина сжалось от страха и горечи, на глазах выступили слезы. Он воочию наблюдал последствия своего необдуманного поступка. «Что же мне теперь делать? - вскричал раввин, воздевая руки к небу. - Как искупить мой грех?» «Единственное спасение, - ответил садовник, - это выкорчевать все деревья, а корни - уничтожить...»

И в этот миг раввин проснулся. С ужасом осознал он, что сон его - вещий. Да, Всевышний послал ему знак, что ошибку следует исправить. Но как? После некоторых раздумий, раввин решил, что должен прочитать всю книгу Псалмов - проникая сердцем в каждое слово. И тут же с отчаянием вспомнил, что в Тиша Беав не принято читать псалмы. Так, в муках и страданиях, прошел день поста. Раввин не мог найти себе покоя, чувство тревоги не покидало его ни на миг. Лишь после того, как пост закончился, в полночь раввин пришел в синагогу и открыл книгу Псалмов. Его чтение, сопровождаемое слезами и стенаниями, вызвало на небесах настоящую бурю.

- 6 -

Прочитав первую часть книги, раввин почувствовал, что с деревьев порожденного им сада опали все плоды. Это воодушевило его и вторую часть книги Псалмов раввин прочитал с великим энтузиазмом. Закончив, раввин почувствовал, что с деревьев опали листья. После чтения третьей и четвертой книг деревья лишились ветвей. А после пятой - рухнули стволы...»

Рабби Яков-Йосеф замер и затаил дыхание, стараясь не упустить ни слова.

«...Но корни! - возвысил голос Баал-Шем-Тов и, повернувшись, пристально посмотрел в окно. - Корни остались! И в одиночку их не выкорчевать!..»

Рабби Яков-Йосефа охватила дрожь и он, чувствуя, что вот-вот упадет от невыносимой слабости, бросился к дверям синагоги. Прежде чем он успел их открыть, это велел сделать прислужнику Баал-Шем-Тов.

Рабби Яков-Йосеф ворвался в синагогу, упал в ноги праведнику и, рыдая, вскричал: «Спасите меня, Ребе! Я вижу, что не справлюсь один!..»

Так начался новый жизненный путь рабби Яков-Йосефа из Полонного...

“Я ТЕБЕ ЗАВИДУЮ!”

ДОВ ШЕЙНЕР

Как-то вечером я зашел перекусить в одну из иерусалимских пиццерий. Расплачиваясь, я вдруг услышал за своей спиной, как кто-то кого-то приглашает на фарбренген. Обернулся и даже слегка растерялся от удивления. Ожидал, видимо, увидеть такого же бородатого хабадника, как я сам, но вместе этого встретился глазами с пареньком в джинсах, черной футболке и коротким «ежином» на голове. Мое удивление длилось лишь несколько секунд. «В конце концов, - подумалось мне, - почему этот парень не может быть хабадником? Неужели все решают только борода и черная шляпа?..» Я улыбнулся ему, он улыбнулся в ответ. Мы разговорились.

Парень оказался любознательным. Вопросы так и сыпались из него: «Вы хабадник? Вы видели Ребе? Он давал вам доллар?..» Я отвечал терпеливо и по порядку. Когда он узнал, что я действительно получил доллар от Ребе, то мгновенно спросил – при себе ли у меня этот доллар. «Конечно», - ответил я и достал из кармана бумажник. Он долго и внимательно изучал банкноту, надпись, которую я сделал внизу, на белом поле, отметив день и год ее получения. Потом посмотрел на меня и спросил: «Вы не могли бы мне это подарить?..»

Вопрос застал меня врасплох.

...На протяжении нескольких лет, начиная с 1986 г., Ребе каждое воскресенье раздавал людям долларовые банкноты. Кто только не приходил к Ребе – раввины, политики, артисты, ученые... Полученный от Ребе доллар превращал человека в посланника для выполнения заповеди цдоки. Но люди не хотели расставаться с таким драгоценным подарком. Поэтому для цдоки обычно отдавали другую банкноту, а доллар от Ребе бережно хранили.

Мог ли я отказать этому парню? Наверное, да. Но тогда, спрашивается, для чего Всевышний дал мне сердце? Видели бы вы его глаза в это мгновение!..

Парень, сияя от счастья, быстро нацарапал рядом с моим именем свое и даже ухитрился вписать там сегодняшнее число.

Мы расстались хорошими друзьями. На прощание я рассказал ему, сам даже не знаю – почему, как обычно поступали люди с полученным из рук Ребе долларом.

...В воскресенье утром вокруг «Севен Севенти» предприимчивые коммерсанты ставили небольшие палатки, чтобы стоящие по многу часов в очереди посетители могли выпить стакан кофе и что-нибудь перекусить. Большинство таких палаток имело в своем распоряжении ламинаторы.

Процедура была несложной. Для начала на портрет Джорджа Вашингтона наклеивали миниатюрную, цветную фотографию Ребе, затем писали еврейское имя того, кто этот доллар получил, и после этого банкноту пропускали между двумя нагретыми железными валиками ламинатора. Получалось вполне солидно. Но главное – бесценный сувенир обретал бессмертие. Сам я почему-то подобную операцию проделать не рискнул.

...Я шёл домой и вспоминал, как несколько лет назад Ребе, пристально посмотрев мне в глаза, вручил этот доллар и благословил меня. Как вы думаете, легко ли мне было расставаться с таким подарком?.. Но парень смотрел на меня, внутрь меня, в самое мое сердце, словно смотрел в глаза Ребе. Кто знает, не ему ли передал тогда Ребе этот доллар?..

Несколько дней спустя я снова встретился с моим новым знакомым – в той же самой пиццерии (как оказалось, он был родственником хозяина пиццерии). Парень поспешил мне навстречу, что-то на ходу вынимая из кармана. Подойдя ближе, он протянул мне долларовую банкноту. Я взял ее и сначала даже не поверил, что она была когда-то моей. Сложенная вчетверо вот уже на протяжении многих лет, истрепанная и истертая на изгибах, она приобрела новую жизнь: место портрета отца-основателя Америки занимала миниатюрная, цветная фотография Ребе, а сам доллар был навечно запечатан в тонкий, прозрачный пластик.

Пока я рассматривал бывший свой доллар, в пиццерию вошел еврей, одетый в традиционные чёрные одежды, по внешнему виду – хасид из Меа-Шеарим. Парень тут же, выхватив доллар из моих рук, побежал к нему и, светясь от радости, показал свое новое приобретение. Очевидно, они были знакомы. Хасид со снисходительной улыбкой посмотрел на моего приятеля. «От Любавичского Ребе? – переспросил он. – Продашь?» «Это же сгула!» - услышал я возмущенный выкрик. «Сколько же ты за нее хочешь?» - продолжал допытываться хасид, стараясь сохранить серьезное выражение лица. Парень явно ему симпатизировал. Кроме того, хасиду, похоже, было чрезвычайно любопытно узнать – расстанется ли этот современный юноша со своим сокровищем. «За миллион отдашь?» «Никогда в жизни!» - твердо ответил парень. «Послушай, - удивился хасид, - но это же все-таки миллион! Миллион долларов на банковском счету! Это ли не самая лучшая сгула?..» «Нет! - торжествующе улыбаясь ответил парень. - Ребе всегда найдет путь, чтобы послать мне еще большую награду, чем миллион долларов!..»

Хасид развел руками и, прекратив дальнейшие расспросы, направился к прилавку. Я заметил, как парень заволновался. Он подошел к своему собеседнику, тронул его за руку и виновато произнес: «Простите, если я вас чем-то обидел. Я, честное слово, не хотел...»

Хасид внимательно посмотрел парню в глаза и неожиданно улыбнулся: «Брось. Я сам затеял этот разговор. Но сказать честно, я тебе завидую!..»

«ДУША, которую Ты даровал мне, чиста...»

продолжение, начало в №№ 4-6

Б-г мой! Душа, которую ты даровал мне, чиста. Ты сотворил ее, Ты создал ее, Ты вдохнул ее в меня и Ты поддерживаешь ее существование во мне и в будущем заберешь ее у меня, а затем вернешь ее мне в грядущие времена. Все время, пока душа обитает в теле моем, буду благодарить Тебя, Г-сподь, Б-г мой и Б-г отцов моих, владыка всех творений, властелин всех душ. Благословен ты, Г-сподь, возвращающий души в тела умерших!

(Эло-хай, Нешомо Шеносато Би Тхэйро Хи, Ато Беросо, Ато Йецарто, Ато Нефакто Би, Веато Мешамро Бекирби, Веато осид Литло Мимэни, Улахазиро Би Лэосид Ловэй. Кол Зман Шэханешомо Бикирби, Мэйдэ Ани Лефонэхо Адэй-ной Эло-хай Вэй-Эйло-хэй Авозэйсай, Рибэйи Кол Хамаасим, Адэйи Кол Ханешомэйс. Борух Ато Адэй-ной Хамаазир Нешомэйс Лифгорим Мэйсим)

Между словами *Элокай* и *Нешомо* следует сделать паузу, чтобы не создалось впечатление, что человек обращается к собственной душе, называя ее «Б-гом».

Это благословение следует произнести утром непосредственно после благословения *Ашер Яцар*. Как учит рабби Ицхак Лурье (Ари), благословение *Ашер Яцар* содержит 45 слов соответственно числовому значению слова *Адам* («человек»). Благословение *Элокай, Нешама* состоит из 47 слов, соответствующих суммарному числовому значению Б-жественных Имен *Хавайе* (26) и *Эхье* (21).

Оба этих благословения посвящены и душе, и телу. Однако в первом случае акцент делается на тело человека, а во втором – на его душу. Поэтому крайне важно произнести эти два благословения вместе, без какого-либо перерыва между ними. Ведь тем самым мы укрепляем связь между телом и душой; и вообще, наши молитвы и служение Б-гу преследуют цель возвысить тело и озарить его светом нашей Б-жественной души.

«Душа, которую Ты даровал мне, чиста».

В отличие от ряда других религий, считающих, что душа человека уже с рождения запятнана грехами, иудаизм учит, что каждый еврей рождается с чистой, непорочной душой. Более того, наша душа Б-жественна, как сказано в Тании: «Она – частица Б-га Свыше». Подобно Самому Б-гу, душа вечна – она существовала до того, как начала жить в нашем теле, и продолжает жить после смерти тела.

«Ты вдохнул ее в меня».

В Торе говорится, что Всевышний создал сначала из праха человеческое тело, а затем «вдохнул в его ноздри живую душу». Этим человек отличается от прочих живых существ, которые были созданы живыми, – их тело и жизненность появились одновременно. Та же Тания, ссылаясь на книгу «Зоар», отмечает, что подобно человеку, сильно выдыхающему воздух из самых глубин, Всевышний даровал человеку душу из Своей сокровенной, внутренней сущности.

Итак, наш сон и пробуждение ото сна является каждодневным напоминанием о вечной жизни нашей души. Наше благословение также перекликается с молитвой *Мэйдэ Ани*, где говорится о «великой верности» к нам Б-га. Говорится в Мидраше: «Сказал рабби Александри: «В силу того, что ты оживляешь нас каждое утро, мы еще больше убеждаемся, что Ты будешь верен Своему обещанию воскресить мертвых». Сказал рабби Шимон бар Абба: «В силу того, что Ты обновляешь наше существование на заре каждой новой цивилизации или с закатом каждой старой цивилизации, мы еще более убеждаемся в истинности обещанного Тобой грядущего Освобождения».

Как известно, народ Израиля вопреки страданиям и гонениям пережил все великие цивилизации в истории человечества. Одно только это чудо красноречиво свидетельствует о верности Всевышнего Своему народу. Однако, как учит Мидраш, это чудо служит лишь залогом еще большей Его верности к нам, которую Он явит нам с окончанием затянувшейся ночи – изгнания.

Итак, утреннее пробуждение является своего рода моделью обновленного существования, наступающего с окончанием ночи, сна, страданий, смерти и изгнания, и, в частности, окончательного и полного Освобождения и воскрешения мертвых.

С Б-жьей помощью, дальше мы увидим, как остальные утренние благословения, содержащиеся в нашем молитвеннике, пробуждают нас от спячки в этом мире и побуждают жить жизнью Мира Грядущего – эпохой Мошиах и Освобождения.

Подготовил д-р Ш. РОЗЕНОЕР

КАК НАЧИНАЛАСЬ АСКАЛА

ИЗ ОЧЕРКОВ ПРЕДЫДУЩЕГО ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ ЙОСЕФА-ИЦХАКА ШНЕЕРСОНА

окончание, начало в № 6

- 5 -

...Какова же была позиция хасидов в этой нелегкой для еврейского общества ситуации? Вот что говорит нам устное предание, дошедшее до учеников Межеричского Магида.

Наш учитель, рабби Исроэль Баал-Шем-Тов собрал однажды своих учеников и рассказал им следующую историю.

«В одном немецком городе жил соффер (переписчик священных текстов) по имени реб Менахем, известный своей набожностью и ученостью. Всевышний дал ему очень способного сына, с которым он изучал Пятикнижие, Мишну и Талмуд. Однако, реб Менахем не верил в Каббалу и презирал ее. Он часто поносил ее вслух и выступал против святого «Зоара». Такое отношение к священному учению не могло не отразиться на вере его сына.

Когда реб Менахем умер, его сыну было всего двенадцать лет. Страстно желая изучать Тору, юноша вскоре уехал из своего города в другой немецкий город. Там, помимо Торы, ему захотелось изучать и другие науки. Силы зла не могли упустить такую замечательную возможность. Способный юноша стал инструментом в их руках, чтобы посеять ересь в Израиле и нанести великий ущерб еврейскому народу, воспитав многочисленных безбожников. Лишь тот, кто следует нашему, хасидскому, пути, спасет и себя и своих учеников и учеников своих учеников от дьявольской паутины». (История эта была рассказана Баал-Шем-Товом в 5503 (1743) г., когда Моисею Мендельсону только исполнилось 14 и он уже переехал в Берлин – **прим. редакции**)

Когда в 5536 (1776) г. стало известно о публикации перевода Мендельсоном Пятикнижия, ученики Баал-Шем-Това, а позже – ученики Магида, выступили против изучения этой книги и комментария к ней. Сторонясь такого рода литературы, они выступили также против изучения грамматики иврита. Последователи Баал-Шем-Това придирчиво следили за своими хасидами, чтобы те изучали только комментарий Раши к ТАНАХу. Что и вызвало бурю протестов со стороны знатоков Торы, принадлежавших к лагерю миснагдим.

- 6 -

С каждым годом возрастало количество молодых людей, ехавших в Германию, чтобы учиться в различных университетах. Они изучали медицину, риторику, языки, музыку, лингвистику и т.д. Большинство из них были весьма талантливы и учились с большим прилежанием. Некоторые приобрели огромные знания в естественных науках и изумляли профессоров своими достижениями. Их назначали главами факультетов с солидным окладом и растущими перспективами. Остальные возвращались в свои родные города.

Из вернувшихся домой лишь единицы сохранили веру в Тору и заповеди. В большинстве случаев от бывших благочестия и богобоязненности не осталось и следа. Отравленные воздухом просветительства, они полностью отказывались от соблюдения заповедей и конец их был горек.

Те, кто достиг значительных успехов, например, став профессорами медицины, занимали высокие должности в крупных городах. Не жалея сил, они отравляли еврейские сердца и мысли ядом Аскалы. Зачастую этим людям, чтобы скрыть свои истинные намерения, приходилось надевать на себя маску благочестия. Для осуществления своих замыслов многим пришлось даже стать меламедами, и их жертвами стали сотни еврейских детей. К сожалению, родители не усмотрели таящейся опасности, поскольку багаж знаний учителей был неисчерпаем, а их немецкие манеры и поведение только приветствовались.

От автора: В своем служении обществу Ребе ХАБАДа следовали принципам, которые основоположник ХАБАДа, рабби Шнеур-Залман из Ляд (Алтер Ребе) закладывал в течение многих лет. Служение это охватило несколько периодов истории, отмеченных столкновениями и борьбой: как внутренней - с противниками учения хасидизма (миснагдим), так и внешней - с так называемыми просвещенцами (маскилим).

Я считаю уместным, с Б-жей помощью, составить очерк о событиях тех дней, включая общий обзор того, как соблюдали тогда законы Торы и каким было духовное состояние народа. Затем я собираюсь составить краткие жизнеописательные очерки о тех, кто стоял во главе ХАБАДа.

В те дни «просвещенцы» оказали существенное влияние на всю систему образования в Польше и Литве, и особенно – на еврейскую молодежь, среди которой быстро распространилась тенденция к изучению иврита. Приблизительно в то же время, в Германии произошли два значительных события: была разработана программа для начальной школы, основанная оратором и лингвистом Вейзелем (в результате чего в Германии и Австрии открылось множество начальных школ, принявших эту программу), и было учреждено общество по изучению иврита, состоявшее из наиболее видных представителей еврейской общины.

- 7 -

С середины 40-х г.г. маскилим перешли в открытое наступление против хасидских лидеров Галиции, Польши, Волыни, Украины и Литвы. Они не гнушались никакими средствами. В ход шли лживые обвинения, анонимная поджигательская литература. В сравнении с другими хасидскими дворами, хасиды ХАБАДа страдали вдвойне: с одной стороны их атаковали маскилим, с другой – миснагдим.

Каких только ужасов не писали «просвещенцы» о хасидах! То же можно сказать и о книгах миснагдим на эту тему, очевидно написанных маскилим, презиравшими еврейскую религию и отрицавшими святость Торы и Всевышнего. То же относится и к хронологам еврейской истории. Описывая хасидское движение, – от Баал-Шем-Това и до наших дней, – они намеренно игнорировали истину.

Говорят, что даже у представителей «дна» – воров, убийц и пр. – есть свой закон, которому они следуют. Но ничего такого нет у писателей-историков. Их перо легко превращает черное в белое, а белое – в черное. Фундаментом для их измышлений служат их собственные прихоти и предубеждения. При этом они утверждают, что их работы основаны на «документированных источниках».

Отцом еврейских историков считается г-н Генрих Гретц, отрицавший святость Торы и поносивший чистые слова пророков. Он полностью отвергал книги Каббалы и хасидизма. Короткая, но злобная статья о хасидизме в последней части его книги не содержит ничего, кроме змеиного яда. За это он справедливо заработал кличку «Крец», поскольку книга его – самая настоящая проказа.¹

Другим историком, черпавшим свою информацию из «документированных источников», сфабрикованных в кругах «просвещенцев», был г-н Семен Дубнов. Он тоже дал волю своей ненависти к хасидизму и хасидам, выразив ее в каждой строчке своих трудов на эту тему. Биографию нашего учителя Баал-Шем-Това он начал с широкого ассортимента историй о чудесах и других историй, подтверждающих необычайно высокий духовный уровень и величие этого человека. Отсюда г-н Дубнов делал заключение, что Баал-Шем-Тов, скорее всего, лицо вымышленное, легенда, плод фантазий. (В конечном итоге, к своему великому сожалению, г-н Дубнов должен был все-таки признать существование Баал-Шем-Това, поскольку об этом свидетельствовал современник Баал-Шем-Това, известный писатель и ученый, лично видевший его).

Таким образом, налицо – полное пренебрежение истиной и справедливостью даже по меркам простых людей. Хотя историкам, обладающим высокими учеными степенями, надлежало бы держать себя на еще более высоком уровне. Вместо этого они, в большинстве своем – бывшие ученики маскилим, при каждой возможности старались принизить учение хасидизма и высмеять лидеров хасидских дворов. Они всегда подчеркивали их «незначительность» и «бесплодность», а именно – отсутствие, как им казалось, со стороны хасидских Ребе вклада в духовное и экономическое благосостояние еврейского народа.

Взять хотя бы агрессивные нападки и обвинения одного из писателей-историков в адрес Баал-Шем-Това, что тот, дескать, не участвовал в диспутах с франкистами.² Отсюда следует, пишет сей «историк», что Баал-Шем-Тов почти ничего не значил для своих современников. А иначе, почему они даже не пригласили его на такое важное событие? Вывод, который он делает, явно высосан из пальца. А его доказательство – полный абсурд! Историк с именем, известный биограф, он абсолютно проигнорировал широко известный факт, что ведущими персонажами в этих диспутах были ученики Баал-Шем-Това! Ясно, что его единственной мотивацией была ненависть к хасидизму и к хасидам. Любой ученый-историк, приученный смотреть на вещи непредвзято, просмотрев литературу маскилим, безусловно высмеял бы ложь и фальшивые обвинения, которыми изобилуют эти сочинения.

Ребе ХАБАДа полностью посвятили себя Торе и заповедям. Их убеждения и вера были непоколебимы. Благодаря бесконечной милости Всевышнего они твердо стояли на своих позициях и укрепили знамя хасидизма.

На протяжении столетия с четвертью они боролись против маскилим, включая 75 лет войны на двух фронтах – против маскилим и миснагдим. Благодаря своей глубокой мудрости и потрясающему диапазону знаний наши Ребе выстояли. Со временем даже их бывшие противники были вынуждены воздать должное всем направлениям хасидизма, включая учение ХАБАД.

За последние 35-40 лет (материал был написан в 1935 году – **прим. редакции**) еврейские писатели самых разных фракций начали проявлять интерес к хасидизму и его лидерам. Многие из них оценили по достоинству глубину хасидского учения, добродетели и необыкновенные душевные качества хасидских Ребе... Лишь незначительная горстка из них продолжает восставать против истины и справедливости и нападать на тех из своих коллег, кто с похвалой отзывался об учении хасидизма и его лидерах.

¹ «Проказа» (идиш)

² Последователи лже-мессии Якова Франка (1726-1791)

ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО СДЕЛАТЬ ОСТАНОВКУ...

С Б-жьей помощью
18 Тамуза, 5714 (1954) г.
Бруклин, Нью-Йорк

(СВОБОДНЫЙ ПЕРЕВОД)

Мир и благословение!

Получил Ваше письмо от 20 июня, и должен заметить, что оно самое удивительное из всех, что я когда-либо получал.

Вы хотите перечеркнуть семнадцать настоящих еврейских лет и вернуться к прежнему образу жизни, поскольку (так Вы пишете) заповеди Торы все эти годы Вы исполняли исключительно ради жены и детей! Но в то же время сами признаете, что нет неопровержимых доказательств, подтверждающих правильность принятого решения, а есть лишь «сильные сомнения» и недостаток знаний о Б-ге и необходимости исполнения заповедей, что, собственно, и толкает Вас на этот шаг.

Удивляет прежде всего то, что Ваши сомнения относительно прошлого чрезвычайно сильны, но Вы настолько уверены относительно будущего, что даже решили положить конец семейной жизни!

Известно, что даже самый мудрейший допускает ошибки, особенно в тех вопросах, которые непосредственно затрагивают его самого. В Вашем же случае заключение основано еще и на сомнениях. Спрашивается, для чего вся эта поспешность — осуществить решенное на практике как можно скорее?

Прежде чем сделать шаг, который станет губительным и для Вас, и для Вашей семьи (и Вы сами признаете это), не кажется ли Вам, что сначала следует обсудить свои сомнения с друзьями — как с теми, кто исполняет Тору и заповеди, так и с теми (если Вы очень того желаете), кто пока еще не исполняет. Если Вы ждали этого момента целых семнадцать лет, то наверняка сможете подождать еще немного.

Когда еврей колеблется, когда ему недостает твердой позиции в вопросах исполнения заповедей, самым верным умозаключением для него будет следующее.

Если после глубокого и тщательного исследования вопросы и сомнения исчезнут — замечательно. Если он придет к выводу, что в исполняемых им заповедях не было и нет никакой нужды, тогда и жалеть не о чем! Разве что о нескольких «потерянных» минутах каждое утро, когда он возлагал тфиллин, или о том, что он все это время был «лишен» некошерной пищи, или о том, что ему приходилось «ограничивать» свой

отдых, соблюдая субботу и праздники и т.д. Если же он безрассудно оставляет настоящую еврейскую жизнь, но, в конце концов, рано или поздно признает, что Тора и заповеди это действительно «наша жизнь и наше долголетие» — вряд ли он когда-нибудь простит себе, что отнесся к этому с такой беспечностью.

Что касается Ваших сомнений по поводу основ иудаизма, то существует множество литературы, и классической, и современной (в том числе на английском языке), посвященной этому вопросу. Большая часть этих работ построена не только на вере, но и на фактах. Взять хотя бы в качестве примера, — что кстати будет очень уместно (ибо только что мы отметили праздник Шавуот), — Синайское Откровение, когда Всевышний даровал Тору еврейскому народу.

Это событие — одно из самых научно обоснованных событий за всю историю человечества. Оно основано на свидетельстве и личном жизненном опыте 600 000 взрослых мужчин, не считая женщин и детей. Учение, полученное у горы Синай, передавалось безо всяких изменений от родителей к детям, из поколения в поколение по непрерывной цепочке до наших дней. Его истинность подтверждена на практике исполнением тех же заповедей, которые исполняли евреи всех поколений и всех стран мира, с одинаковой преданностью Единому Б-гу, единой Торе и единому народу.

Конечно, человек несведущий вряд ли будет знаком со всеми первоисточниками и не сможет удостовериться в правоте фак-

тов. Но как он поступит, например, в том случае, когда дело коснется той области, что вне его компетенции, например, медицины? Больной вправе сомневаться в пользе лекарства, которое ему предписал врач. Но неужели он не станет принимать его до тех пор, пока не начнет посещать медицинские курсы и пока не получит все необходимые знания, которые лечащий его врач приобретал на протяжении долгих лет учебы и практики? Неужели он не доверится специалисту? Если он сомневается в заключении одного врача, он может обратиться за советом к другому, к третьему и т.д. И если все, к кому больной обратился, единодушно примут решение о необходимости данного лекарства и предписанного режима, отвергнет ли он такое решение, даже если сильно сомневается в его правильности?

Точно так же, к какому бы «специалисту» в области иудаизма (человеку, который **посвятил** всю свою жизнь изучению Торы и в буквальном смысле живет ее заповедями) Вы ни обратитесь с вопросом о выборе Вашего пути, каждый даст Вам одинаковый ответ. Поскольку у евреев только одна Тора и только один Закон.

Судите сами, если в вопросах, касающихся физического здоровья, по логике вещей «сделаем» должно предшествовать «выслушаем»¹, то уж тем более так должно быть в вопросах, затрагивающих бессмертную душу еврея (ведь здоровье тела непосредственно связано со здоровьем души).

ЭЛИ ЭЛКИН

ВЕЩИЕ СНЫ КОРОЛЯ

1

Мое письмо к Вам оказалось довольно подробным, хотя, чтобы придти к подобным заключениям, вполне достаточно здравого смысла. Ведь ничего нового во всем вышесказанном нет. Все это, и даже больше, Вы можете найти в таких философских трудах как «Кузари» и других работах мудрецов Торы...

Я надеюсь, что поступок, над которым Вы размышляете, и первые шаги, которые Вы, заблудясь, уже сделали, еще не поздно исправить. Надеюсь, что это письмо поможет Вам увидеть свет, а также осознать, что хорошо и правильно не только для Вас, но и для Вашей семьи. По этой причине оно было отправлено Вам со срочной доставкой.

Замечу, что письмо написано за день до поста 17 Тамуза, который установлен нашими мудрецами в память о брехи, проломленной в стене Иерусалима во время его осады, что привело в итоге к разрушению Храма. Это событие должно служить всем нам напоминанием, что следует приложить все силы к тому, чтобы искоренить причину, по которой был разрушен Храм, а еврейский народ рассеян по миру. Ведь мы произносим в молитве: «Из-за грехов наших мы изгнаны из земли нашей».

И также это учит нас тому, сколь осторожен должен быть человек, чтобы не допустить даже трещины в стене, окружающей его личный Иерусалим, *Иира-Шалем*,² и его внутренний Храм – самое драгоценное, что есть у еврея, неразрушимый двойник физического Иерусалимского Храма...

Это внутреннее Святилище наиболее желанно Всевышним, Который повелел: «Пусть построят Мне Святилище и Я пребуду среди них», что можно прочесть, как «в них» – в сердце каждого еврея и в каждом еврейском доме.

С благословением
М. М. Шнеерсон

Середина XVII столетия для евреев Праги была отмечена преследованиями и погромами, которые проходили не без одобрения короля. И церковные лидеры, и царские министры работали, не покладая рук. Толпы черни, науськанные церковниками, громили еврейские лавки и дома, а чиновники душили еврейское население непомерными налогами, которыми пытались залатать дыры в королевской казне.

В ту пору возникло тайное общество – Святое Братство, возглавляемое рабби Элиягу, больше известного как рабби Элиягу Баал-Шем из Вормса. Членами общества были так называемые нистарим – скрытые праведники, великие мудрецы Торы, постигающие величайшие ее тайны. Они всеми силами радели за благо своих собратьев и не раз приходили им на помощь в трудную минуту.

После рабби Элиягу Святое Братство возглавил рабби Йозель Баал-Шем из Замоща. А затем – рабби Адам Баал-Шем из Ропшиц (Ропчице), духовным преемником которого стал рабби Исроэль Баал-Шем-Тов, основоположник хасидского учения...

Сердце рабби Адам Баал-Шема болело, когда он думал о страданиях своих братьев, но найти управу на злодеев было не так-то легко. Король Иосиф I, как и все его предшественники, не питал особой любви к своим еврейским подданным и к тому же был игрушкой в руках министров. А те творили все, что им заблагорассудится – лишь бы побольше унижить евреев и выкачать из них побольше денег. Ходатайствовать мирным путем не представлялось возможным. И рабби Адам Баал-Шем, мудрец Торы и знаток скрытого ее учения, решил, что помочь сейчас может лишь чудо.

В одну из ночей, когда король Иосиф I мирно спал в своих покоях, рабби Адам Баал-Шем с помощью особых молитв погрузил правителя в глубочайший сон и явил перед ним ночной кошмар.

Королю приснилось, будто монарх соседнего государства пошел на него войной. Враги наносили удар за ударом, королевская армия отступала не в силах противостоять столь мощному натиску. В самый решающий момент король сошелся в рукопашной схватке с вражеским монархом и был повержен на землю. По приказу монарха слуги в спешном порядке приволокли большой железный ящик. Победленного короля поместили внутрь, а сам ящик прочно заперли.

Ящик был сделан в рост человека и удивительно напоминал обычный гроб. Находиться в нем можно было лишь лежа на спине. На уровне лица, на верхней крышке было проделано узкое окошко, через которое король получал хлеб и воду. Полгода провел он в этой тюрьме не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

И вот однажды король увидел, как над ним склонился величественного вида еврей. Его лицо украшала борода, а из глаз лился неземной, ангельский свет. Некоторое время он испытующе смотрел на короля, и, наконец, заговорил:

- Желает ли его величество обрести былую свободу и величие?
- О если бы я только мог!.. – простонал король.
- Что я получу в награду, если освобожу его величество?
- Половину моего царства!..

Еврей чуть заметно улыбнулся.

- Мне не нужны ни золото, ни серебро, ни власть. Я лишь хочу, чтобы братьев моих перестали преследовать, а все указы, направленные против них и их имущества, были отменены.

¹ «Шмот», 24:7.

² Букв. «цельный страх» (перед Всевышним).

Король с готовностью согласился исполнить эту просьбу и даже поклялся собственной жизнью. Спустя мгновение он был освобожден – исчезла его железная «тюрьма» и сами враги куда-то подевались. Лишь таинственный спаситель по-прежнему находился здесь. Он оказал освобожденному королю должные почести и представился раввином пражской общины, рабби Адамом Баал-Шемом. Затем предложил сесть в карету, которая стояла неподалеку. Лошади тронулись. Путешествие длилось около двух дней. Наконец, показались знакомые ратуши Праги.

- Его величеству, прежде чем войти во дворец, следует привести себя в порядок, - произнес раввин и добавил: - Хотя бы подстричь волосы и умыться.

Король последовал совету своего собеседника, после чего облачился в новые королевские одежды, которые тот ему преподнес.

- Я надеюсь, - сказал раввин, - что наша сделка останется в силе. Его величеству не следует ни на мгновение забывать о том добре, которое я для него совершил. Ведь природа человека такова, что он быстро забывает о пережитых им страданиях. Я поэтому прошу его величество сохранить немного остриженных волос. Пусть они лежат в табакерке, которую король постоянно носит с собой. Это будет служить постоянным напоминанием о нашей встрече...

Король сделал все, что сказал ему его новый знакомый. Они распрощались, и каждый пошел своей дорогой.

Едва король переступил порог дворца, как тут же проснулся и обнаружил себя лежащим в собственной постели. Внезапный приступ страха охватил его, и он закричал. На крики бежали слуги. Король приказал зажечь свечи и поспешил одеться.

Молчание слуг и их удивленные взгляды встревожили короля еще больше.

- Где вы все были, пока я находился в плену? - спросил он.

Слуги переглянулись. Неужели их правитель сошел с ума?

- Предатели! - закричал король. - Ни один из вас не явился, чтобы спасти меня! Вон отсюда все!

Убедившись, что он – один, король взял в руки табакерку и осторожно открыл крышку. Внутри лежала прядь волос. На короля вновь нахлынул страх. Сон оказался явью.

Тотчас же был отдан приказ доставить в королевский дворец раввина Праги, рабби Адама Баал-Шема.

Вскоре под окнами дворца остановилась знакомая карета. Из нее вышел величественного вида еврей – тот самый, с которым король не так давно расстался.

Рабби Адама Баал-Шема торжественно ввели во дворец, где его с нетерпением ожидал король. «Мой спаситель! – воскликнул король. – Добро пожаловать!» Он лично провел раввина в богато убранный зал и усадил за накрытый стол.

- Мои слуги не верят мне, - произнес король. - Я пытаюсь им доказать, что провел полгода в плену, а они в один голос утверждают, что мне это все приснилось. Вы – единственный очевидец этих страшных событий...

- Ваше величество говорит правду, - почтительно склонил голову раввин. - Но и слуги тоже правы. Позвольте мне все объяснить.

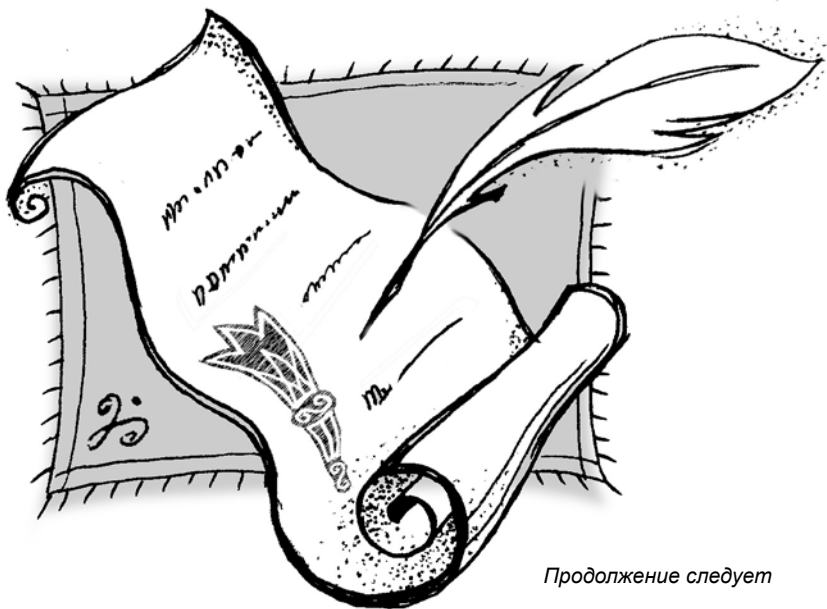
Король не отрываясь смотрел на праведника. Застывшие в почтительном молчании слуги – тоже.

- Очередной указ, направленный против евреев Праги, сослужил его величеству дурную службу, - начал раввин. - На небесах поднялся большой шум. Ангелы-заступники потребовали смерти короля – причем смерти необычной и мучительной. Высший Суд прислушался к их требованию. В ту же самую ночь, когда король уснул, его душа вознеслась к небесным чертогам и была передана силам зла. Они должны были подвергнуть ее мучениям и пыткам за причиненные еврейскому народу страдания. Лишь я заступился за короля и выпросил для него прощение. Я видел, я чувствовал, что он еще способен к раскаянию и обязательно принесет благо своим подданным. Война с врагами, плен, заточение – физические прообразы страданий, которым подверглась душа короля. Двухдневное путешествие в карете до дворца – это обратный путь души в тело его величества. Волосы, которые выросли в течение одной ночи, - свидетельство того, каким бедам подверглась душа короля, находясь во власти ангелов, исполняющих приговор. Однако в знак уважения к его величеству я велел одному из ангелов состричь волосы...

Напряженная тишина стояла в зале. Король закрыл глаза. Невыносимая боль отразилась на его лице, словно он по новой переживал свои страдания. Молчали и слуги, охваченные трепетом и пораженные величием и спокойным достоинством необыкновенного гостя.

... - Его величество, конечно же, помнит о своем обещании, - продолжал праведник и добавил: - Клятва, которую дал король, не может быть нарушена ни при каких обстоятельствах.

Король вышел из оцепенения и немедленно потребовал бумагу и перо. Новый королевский указ, отменяющий все прежние, принесшие столько горя и боли евреям Праги, был скреплен королевской печатью и вступал в силу со дня написания...

Продолжение следует

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Размышляя над словами Ребе, я пришел к выводу, что, как учитель средней школы, несу ответственность за осуществление этого проекта на деле. Близилось лето, школьная программа подходила к концу, и я решил проявить инициативу – но уже в следующем году. Мои подопечные – восьмиклассники, подростки из неблагополучных районов. Подход к ним нужен особый, и говорить с ними нужно исключительно на их языке. В общем, задача была не из легких. И тем не менее, в сентябре я был готов начать.

Можете представить себе реакцию моих учеников, когда я – в самом начале первого урока – выключил свет и предложил им уйти в себя, поразмыслить над своими поступками и мыслями, достоинствами и недостатками, достижениями и упущениями, и заодно – принять твердое решение продолжать все свои хорошие начинания. «Всего на одну минуту», – добавил я и засекал время на часах.

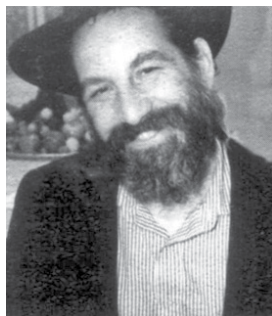
Результат я наблюдал уже через несколько дней. Общее настроение в классе заметно изменилось, атмосфера стала менее напряженной.

Я написал Ребе о новой практике, о заметных улучшениях и вскоре получил ответ: «Благодарю за добрые вести. Жду их и в дальнейшем».

Весь учебный год я продолжал с ребятами практиковать новый вид медитации, а в начале следующего засомневался – насколько правильно я использую эту драгоценную минуту. «Если цель «минуты молчания» – размышлять о власти Творца, – думал я, – то, получается, я этой цели не преследую. А почему? Потому что слово «Б-г» произнести просто-напросто робею!..» Теперь, после такого чистосердечного признания, все стало на свои места. Но как заставить себя заговорить о Б-ге в нерелигиозном учреждении? Все решилось довольно скоро – и самым неожиданным образом.

Шло собрание, посвященное десятилетию нашего учебного учреждения. Слово предоставили главе родительского комитета. Свое выступление она посвятила женщине, в честь которой была названа школа, известной певице в жанре спиритуализма: «Мы не должны забывать, что в первую очередь она была верующей... Вера в Б-га была основой ее жизни... Вы, дети, должны брать с нее пример и верить в Создателя и полагаться на Него...» Скажу честно, я был просто ошарашен. Мне взяло какое-то время, чтобы придти в себя. Зато после этого я почувствовал новые силы и решил внести изменения в мою «минуту молчания» раз и навсегда.

Наша духовная практика успешно продолжалась. Не всегда, правда, удавалось придерживаться постоянства во времени. Слишком много было отвлекающих факторов в начале школьного дня: многочисленные объявления по школьному радио, канцелярская возня. Но я принял решение сделать все, что в моих силах, чтобы не пропустить ни одного дня. Слава Б-гу, нам это удавалось. И все же без инцидентов не обошлось.

МОШЕ ХАБЕР

Весной 5743 (1982-83) г. Ребе выступил с призывом начинать учебный день во всех государственных школах с Минуты Молчания. «Это поможет ученикам осознать и прочувствовать присутствие в этом мире Всевышнего», – сказал Ребе и предложил в срочном порядке направить петицию американским лидерам (и руководителям стран всего мира) о неотложности подобного нововведения.

Зимой, после завершения конференции родительского комитета, моя начальница (она же – заместитель директора школы) потребовала встречи со мной. Речь зашла о плакате, который был выставлен в окне моего кабинета, цветной фотографии Любавичского Ребе с призывом: «Любавичский Ребе сообщает: «Мошиах уже в пути! Встретим его достойно своими добрыми делами!»

Оказалось, что некоторые родители недовольны и считают этот плакат религиозной пропагандой. Я сказал, что в плакате отражена всеобщая и универсальная идея, и отметил, что фотографии Мартина Лютера Кинга, который был видной религиозной фигурой, висят по всему зданию школы. Мартин Лютер Кинг, возразила она, не столько религиозный, сколько общественный деятель. На это я ответил, что день рождения Ребе ежегодно провозглашается Конгрессом США как национальный день образования, а мы как раз и работаем в сфере образования. Она замолчала, а потом сказала, что должна обсудить этот вопрос с председателем профсоюза, а я сказал, что обсужу этот вопрос с другими учителями. Двое моих коллег, американцы, узнав, о чем шла речь, подбодрили меня: «Приятель, стой на своем!»

Прошла всего неделя, и моя начальница снова вызвала меня к себе. Ее лицо светилось от радости, да и разговаривала она со мной гораздо мягче, чем в прошлый раз. Вскоре выяснилась и причина метаморфозы.

Оказывается, вскоре после нашей встречи состоялось заседание руководства школы. Обсуждался вопрос о более продуктивном школьном дне, а именно – чтобы встреча учеников с классным руководителем в начале дня стала по-настоящему плодотворной. Так получилось, что на заседании оказалась одна из моих учениц. Эта чересчур самостоятельная и независимая юная леди была обнаружена в коридоре, хотя по расписанию должна была находиться в классе, на уроке. Замдиректора решила не полагаться на то, что та действительно вернется в класс, и взяла ее с собой. Америка – страна демократичная, и поэтому наш директор попросил девушку тоже высказать свое мнение: разделяет ли ее классный руководитель жалобы своих коллег на то, что собрание в начале дня слишком короткое и к тому же проходит как-то бестолково. «Жалобы? – переспросила моя ученица. – Никогда не слышала, чтобы мистер Хабер жаловался! Он даже находит минуту для того, чтобы выключить свет и дать нам время поразмыслить над многими важными вещами».

«Мы все должны признаться, мистер Хабер, – моя начальница, не скрывая восхищения посмотрела на меня, – что это – замечательная идея!»

МАЛЬЧИК ПОД АРЕСТОМ

А. ИГИН

САМОЕ ВЕСЕЛОЕ и, пожалуй, самое интересное событие в еврейском местечке — это праздничная ярмарка, когда сотни крестьян, приехавших спозаранку из окрестных деревень, заставляют узкие улочки телегами и повозками. Когда шумная людская толпа торгуется, спорит и смеется. Когда воздух звенит от непрерывного гомона и криков, от кудахтанья кур, блеяния овец, мычания коров и гусиного гогота... Одним словом, когда в городе — настоящий базар.

Как можно пропустить такое зрелище, если тебе — одиннадцать лет и если кратчайший твой путь домой лежит через торговую площадь?!

Летним базарным днем два приятеля — Йосеф-Ицхак и Шимон, проталкиваясь сквозь шумную толчею, возвращались из хедера.

- Шалом, хавейрим! — окликнул их веселый громкий голос.

Мальчики обернулись и радостно заулыбались, увидев мясника Давида. Все евреи местечка, от мала до велика, уважали и любили этого хорошего и доброго человека.

- Здравствуй, Давид! — ответили приятели хором, а Шимон вежливо спросил: - Как твои успехи сегодня?

- С Б-жьей помощью... — начал было Давид, но договорить не успел. Из толпы выдвинулась огромная фигура в мундире. Это был базарный полицейский Никита, здоровенный, как бык, с пудовыми кулаками, вечно пьяный и вечно злой.

Не говоря ни слова, Никита размахнулся и ударил Давида кулаком в лицо. Вскрикнув, мясник закрыл лицо руками, из-под ладоней побежала тоненькая струйка крови.

У Йосеф-Ицхака перехватило дыхание от возмущения и обиды. Избивать еврея? Да как он смеет?! По какому праву?! И, не раздумывая ни секунды, мальчик бросился на защиту. Сжав кулаки, он толкнул Никиту в огромный живот и закричал:

- Не смей, не смей, негодяй, бить еврея! Ты просто... Обомлевший от неожиданности Никита опомнился,

схватил мальчика огромной лапой за шиворот и поднял в воздух.

- Ах ты, наглый жиденек! — зашипел он. — Ты поднял руку на полицейского, ты оскорбил полицейский мундир...

Никита оглянулся, быстро отстегнул висевшую на груди медаль и сунул ее в карман.

- Василий! — позвал он базарного сторожа, подоспевшего на шум, - Тащи еврейчика в участок! Он — вор! Скажи, что своими глазами видел, как он сорвал с меня медаль!

Бородатый Василий приволок Йосеф-Ицхака в участок и сделал все, как ему было велено. Дежурный полицейский не стал разбираться, надавал мальчику оплеух, отодрал за уши и отругал грязными словами. А потом швырнул в мрачную тюремную камеру.

Йосеф-Ицхак вытер слезы — у каждого из вас потекли бы слезы от затрецин здорового полицейского — и уселся на пол. «На улице — солнце, — подумал он, — а здесь — холодно... Дома меня ждут к обеду и, конечно, беспокоятся. Ой, как хочется есть... и уши болят и щеки. Я, кажется, сейчас заплачу...»

Но он взял себя в руки и строго сказал:

- Нельзя плакать! Я не сделал ничего плохого. Наоборот! Я вступился за другого еврея. А это — святое дело! Почему же я должен плакать?! Как учил меня папа: после мицвы сразу же подумай о следующей. О какой, если я в тюрьме?... Ну, конечно, как я сразу не догадался. Что мы учили сегодня?..

Мальчик стал вспоминать выученное в хедере за день и сразу повеселел, и убежали мысли о холодной камере и злых полицейских. Одна за другой легко всплывали в памяти строки из Мишны, как будто страницы переворачивались перед глазами. Из шести книг Мишны Йосеф-Ицхак знал наизусть две. Согласитесь, это совсем не мало в одиннадцать лет. Строка за строкой, глава за главой, и тюрьма превратилась в хедер, даже темнота не мешала.

Вдруг то ли стон, то ли вздох раздался в дальнем углу.

Сердце у мальчика забилося часто-часто.

- Кто здесь? – спросил Йосеф-Ицхак тихонько. Никакого ответа.

- Кто здесь? – снова спросил мальчик и услышал, как в углу зашевелились.

«Кто бы это мог быть? Ой, как страшно... Подожди, - успокоил он сам себя, - перестань бояться. Это, наверняка, другой арестованный. Его сильно избили или он болен... Надо подойти посмотреть... Но ничего ведь не видно...»

Вдруг он вспомнил, что в кармане у него лежит коробок со спичками: его дал ему Шимон там, на базаре, а из-за всего случившегося коробок так и остался у Йосеф-Ицхака.

Он вытащил коробок, но руки его дрожали, и первая спичка сломалась. Другая зажглась, он робко шагнул вперед и... застыл в изумлении. Перед ним лежал маленький теленок, связанный веревками. Даже морда была обвязана так, что рта не раскрыть.

Йосеф-Ицхак погасил спичку, опустил на корточки и ощупал веревку. Тугие узлы, затянутые сильной мужской рукой, были не под силу детским пальцам.

Мальчик вернулся на свое место и снова принялся повторять главы Мишны.

Строка в голове бежал за строкой, время в камере остановилось или, вернее сказать, летело незаметно.

Загремел засов, и в дверях появился дежурный полицейский.

- Поди сюда, мальчик... Послушай... Ты... Не рассказывай, что я тебя ударил, хорошо? Я же не знал, что ты из такой знатной семьи... Я думал, что ты просто – жиденек...

Йосеф-Ицхак молча оставил камеру и последовал за дежурным полицейским. Они вошли в кабинет начальника участка, где мальчика ожидал подоспевший на выручку родственник. Тут же стоял угрюмый и злой Никита.

- Ты свободен, мальчик, - сухо сказал начальник. – Можешь уходить.

Йосеф-Ицхак облегченно вздохнул: как хотелось ему поскорее выбраться отсюда, из этого мрачного дома! Но...

- У меня к вам просьба, господин полицейский, - Йосеф-Ицхак смело посмотрел начальнику в глаза. – Прошу вас – не надо мучить теленка. Он так сильно связан, что еле дышит.

- Какого еще теленка? – не понял полицейский.

- Не слушайте этого наглеца! – вдруг закричал Никита. – Он набросился на меня на базаре, сорвал медаль, пытался сбить меня с ног и мешал мне исполнять мои служебные обязанности!

- Прошу вас, - сказал спокойно Йосеф-Ицхак, - проверьте, пожалуйста, его карманы. Он нарочно сорвал с меня медаль, чтобы обвинить меня.

- Обыскать! – рявкнул начальник.

Ну и глупый был у Никиты вид, когда в правом – именно в правом кармане нашлась «украденная» медаль.

- Ты был прав, мальчик, - сказал начальник полицейского участка.

- А как же теленок?

- Какой теленок? – крикнул рассерженный начальник. – Опять твои проделки, Никита! – и отправил дежурного проверить камеру.

Минуту спустя притащили несчастного теленка. Увидев, какие «заключенные» сидят у него в тюрьме, начальник окончательно вышел из себя. Он пригрозил Никите самыми страшными наказаниями и в конце концов заставил во всем признаться. Оказывается, нечистый на руку Никита действительно украл теленка, а вину собрался свалить на мясника Давида. Но планам его не суждено было исполниться.

Давид избежал тяжелого обвинения в краже теленка. Несчастного «пленника», наконец, развязали и выпустили на свободу. Никиту взяли под арест, судили (за ним уже накопилось изрядно) и в итоге выгнали из полиции.

Вечером того же дня Йосеф-Ицхак обо всем откровенно рассказал отцу: и как заступился за Давида, и почему пролетело незаметно время в тюрьме, и о бедном дрожащем теленке...

- Смотри, сын мой, - сказал ему отец. – Как чудесны пути Всевышнего! Он привел тебя на базар в нужный момент, дал тебе в руки спичечный коробок твоего друга Шимона, чтобы ты смог разглядеть, что в камере сидит этот теленок. Но важнее всего, что даже в этой темной камере ты занимался Торой! Ведь если бы не Тора, чем бы отличался ты от этого теленка? В заключении оказались вы оба, но Тору изучал ты, а не теленок. Ты совершил благородный поступок – заступился за еврея! А если из-за этого тебя избили и несколько часов ты просидел в темной камере, - что с того? Стоит, очень даже стоит...

И отец нежно погладил Йосеф-Ицхака по голове.

Полиглот из ОСВЕНЦИМА

ДЖОН ОРБАХ

В ТУ МИНУТУ, когда корабельные тросы принаивтавались к причалу и трап спущен, на набережной уже стоят наготове грузовики с тюками табака, а портовые чиновники, таможенники и работники медицинской службы, словно группа любопытных школьников, переминаются с ноги на ногу в ожидании разрешения подняться на палубу. Тут же стоит рабочий, готовый установить на борту телефон.

Всю группу возглавляет «ответственный» - человек, замещающий Сапорту. Он распоряжается деловито, но спокойно, без всякого шума. Не проходит и десяти минут, как подъемные краны уже принимают таскать тюки табака, которые тут же укладываются в корабельные трюмы. Сам ответственный, позаботившись о том, чтобы в бумагах были проставлены все необходимые подписи и печать, а экипаж получил увольнительные, поднимается на палубу проверить, как идет погрузка.

- Так он работает, Сапорта, - говорит капитан польски. Когда у него хорошее настроение, он разговаривает со мной по-польски. - Как швейцарские часы, раз-два, и готово - механизм действует.

Человек Сапорты стоит рядом с нами. Это мужчина средних лет, плотный, но не тучный, в темно-серых брюках, белой рубашке и голубом галстуке. Пиджак из-за жары отсутствует. Круглое лицо, нос крючком, толстые губы. Глаза скрыты за светло-голубыми стеклами солнечных очков в тонкой серебряной оправе. Правильной формы череп почти лыс, зато руки покрыты густой порослью черных волос. Ноги обуты в коричневые мокасины.

- Вам бы следовало сказать, капитан, японские часы, - говорит он тоже по-польски. - Мы все давно уже успели позабыть, как выглядят швейцарские часы...

Заметив, как мы обмениваемся удивленными взглядами, он добавляет небрежно:

- Я разговариваю на нескольких языках.

- Вы очень хорошо говорите по-польски, - любезно замечает капитан.

- Благодарю. Помимо польского, я владею еще английским, немецким, французским, ладино и идишем. И немножко русским. Родной язык у меня, разумеется, греческий.

- Значит, вы родились здесь?

Полиглот улыбается, словно папаша, отвечающий на вопрос глупыша-сына:

- Да, я родился здесь... Так же, как мой отец, мать, их родители, деды, бабки... Мы прибыли сюда в тысяча четыреста девяносто восьмом году.

- О, так давно! - из вежливости удивляется капитан.

Но нашему собеседнику уже не до нас. Он перегнулся через борт, чтоб видеть, как работают грузчи-

ки на средней палубе. Тюки должны быть уложены вплотную к переборкам, без всякого зазора. Убедившись, что все делается правильно, он закуривает, прикрывая язычок пламени ладонями, и после первой затяжки продолжает свой рассказ:

- Мы еврейские поселенцы из Испании и Португалии. Бежали от инквизиции, как вы догадываетесь. Султан разрешил нам поселиться в его империи. Он хотел, чтобы мы осели здесь, в этом городе.

Это «мы» и «нам» звучат несколько странновато. К тому же наш капитан вообще не интересуется экскурсами в историю и не намерен продолжать беседу со служащим Сапорты. Кивнув на прощание, он удаляется.

- Моя фамилия Кохен, - представляется мужчина. Незаметно для самого себя он переходит на английский. - Кстати, раз уж мы заговорили о языках, тут у нас на прошлой неделе был немецкий корабль, компании «Дойч-левант линия», их капитан сказал в точности как ваш: «Вы прекрасно владеете немецким языком...»

«Кохен. К вашим услугам, капитан».

«Да, да. Вы знаете, так приятно встретить за границей кого-то, кто...»

«Однажды мне пришлось довольно долго пробыть в Германии».

Кохен, заранее предвкушая впечатление, которое это произведет на молодого капитана, положил обнаженную руку на стол, уставленный всякими напитками - там был и хейнкан, и туборг, и почти пустая бутылка «Джони Уокер» - без него нигде не обойтись.

Номер, вытатуированный на руке, был отчетливо виден, и капитан явно его заметил, но в глазах его не отразилось ничего, кроме недоумения. Он перевел взгляд на пивные бутылки, потом снова простодушно уставился на Кохена.

«Вы не знаете, что это такое?» - не выдержал Кохен.

Удивление капитана было вполне искренним.

«Я думаю, это татуировка, - он засмеялся и закатал рукав своей рубахи. - Признаться, у меня тоже есть кое-что в этом роде. Все мы в молодости делаем всякие глупости... Это пятнадцать лет назад, в Гамбурге, во время моего первого плавания...»

На его руке был вытатуирован красавец-корабль, двухцветный - синий и красный, фрегат со всеми снастями и надписью готическим шрифтом сверху в виде ленты: Mutter.

«Да, конечно...»

«Но ваша какая-то странная - цифры... Можно подумать, что это какой-то шифр...»

«Это из Освенцима».

Немец изменился в лице.

«Простите, я не знал, что там метили людей...»

- И представляешь, он ведь действительно не знал.

- Может, не знал, а может, не желал знать... Все может быть...

- Нет, он не знал, это точно, можешь мне поверить... Он, конечно, слышал о Гитлере, о концлагерях, об Освенциме, но о номерах ничего не знал...

Тут Кохен вдруг принялся кричать бригадиру по-гречески, тот отвечал ему – на том же языке, я решил, что про меня он уже забыл.

Двое в белой форме, вооруженные пистолетами, застыли возле трапа. Меры предосторожности. Израильский корабль приходится охранять.

Неожиданно Кохен вновь оказался рядом.

- А вообще ты откуда?

- Из Варшавы, - отвечаю я неохотно.

- А, пан из Варшавы! – говорит он по-польски.

- Из Варшавы...

Этот Кохен начинает раздражать меня.

- На какой улице ты жил? – продолжает он допрашивать.

Я называю улицу и даже описываю дом – пятиэтажный многоквартирный дом... Его серый каменный силуэт выплывает из прошлого и на мгновение заслоняет собой огромную залитую солнцем площадь средиземноморского портового города, грузовики с тюками табака, подъемные краны, лениво подтягивающийся под них товарный состав – платформы и стальные цилиндры на них, по два цилиндра на каждой платформе. Получается как бы двойная проекция, когда диапозитивы наложены друг на друга...

- Да, я помню этот дом, - говорит Кохен безжизненным голосом. – Я сам разрушал его... Вернее, то, что от него еще оставалось... Если хочешь, могу рассказать тебе...

Я вовсе не уверен, что жажду слышать его рассказ. В конце концов, у меня есть множество дел, которыми следует заняться. Множество более насущных проблем. Зачем мне выслушивать, как Кохен разрушил наш полусгоревший дом, дом, в котором я провел первые семнадцать лет своей жизни?..

- Нет времени... Если только вкратце...

- Глупости, - говорит Кохен. – Я тоже занятой человек. Мой рассказ займет не больше десяти минут, но на самом деле это продолжалось больше года.

Я могу только поражаться его выдержке и собранности. Он разговаривает и при этом ни на минуту не выпускает из виду происходящее на палубе, в трюмах, на набережной. Да, он явно даст мне сто очков вперед, это Кохен, без малейшего усилия он переходит от одного к другому.

- Немцы пришли сюда в апреле сорок первого, ты помнишь? Греция капитулировала. Англичане отступили к Криту, но и там они недолго удержались. Первое, что сделали оккупанты – устроили облаву на евреев. Летом меня, вместе с тысячами других, отравили в Освенцим. Семьи разлучались, погибали, не буду об этом говорить, ты сам прекрасно знаешь все, но ведь и в лагере порой случались чудеса – со мной тоже случилось чудо, летом сорок третьего я еще был жив. И тогда нас, группу греческих евреев,

двести человек, отправили в Варшаву – копаться в развалинах гетто. Гетто было уничтожено, после восстания. Впрочем, это тебе тоже известно лучше моего.

- Я ушел оттуда до восстания.

- Но потом ты видел, как там все выглядело?

- После войны я провел в Варшаве три дня...

- Понятно... Мы разобрали все.

Они были гении порядка, эти немцы, просто помешаны на порядке и организованности. Мы сортировали кирпичи, куски железа, свинцовые трубы, латунные части, мебель, одежду, обувь, кухонную утварь, припрятанные деньги, золото, драгоценные камни. Все это следовало раскладывать, подсчитывать и грузить. Все, что еще хоть сколько-нибудь пригодно было к употреблению, отправлялось в Германию. Работы там было на многие годы, непочатый край. В момент катастрофы там проживало пол-миллиона евреев.

- Четыреста пятьдесят тысяч...

- Ну, это почти одно и то же...

- А что вы сделали с роялем моей сестры? – я спросил и почувствовал, что не в силах больше выносить ослепительного сияния солнца – перед глазами заплывали красные точки, лицо покрылось липким потом...

Кохен не смутился.

- С роялем твоей сестры? Понимаешь, там, в этом квартале, было много роялей. Их, разумеется, стащили в одно место, пришел немецкий офицер и проверил их. Те, что были в порядке, погрузили на машины и увезли, а те, что остались, нам приказали сжечь, что мы и выполнили. Мы делали все, что нам приказывали. В те времена о такой жизни, как наша, еврей мог только мечтать. Разумеется, нас тоже могли в один прекрасный день уничтожить, но это казалось мало вероятным, поскольку, как я уже сказал, работы там было на многие годы. Мы считали, что у нас есть шанс выжить – ведь была и пища, и крыша над головой. А те вещи, что мы там находили... – Кохен почему-то понизил голос. – Некоторые из них мы не отдавали немцам, хотя если у тебя что-нибудь находили, убивали ту же на месте. Мезузы и молитвенники мы никогда не отдавали...

Другие евреи плакали, когда прятали эти сокровища в свои лохмотья, но Кохен не плакал. Нет, он не был бессердечным, нет, просто...

- Я был тогда... – несколько секунд он подыскивает среди множества слов, которые она знает на разных языках, самое подходящее и, наконец, останавливается на английском: - Просто мои чувства притупились... Я двигался и действовал как автомат...

- Пойми меня правильно. Я рассказываю тебе все это только потому, что разрушил твой дом на улице Лешно в Варшаве. Я должен рассказать тебе об этом, так мне кажется... Моим детям я этого не рассказываю, упаси Б-г. Зачем? Если они спросят – а они

очень редко спрашивают – я говорю, что побывал во время войны во всяких малопривлекательных местах, и все. Такой ответ их устраивает. Я даже думаю, начини я рассказывать, они бы просто не поняли... Да и к чему им знать?

Кохен допивает кока-колу. Выпить чего-нибудь покрепче, хотя бы пива, он категорически отказывается.

- Нет, с тех пор я ничего не пью. Когда русские освободили нас – что верно, то верно, они освободили нас от фашистов – но сколько нам пришлось тогда выпить!..

- Я знаю, ведь они и меня освободили.

- Чего они только не пили – водка, самогон, брага, лосьон, одеколон... И нас они тоже заставляли пить. Тот, кто отказывался, рисковал получить пулю в лоб. Русские любят веселое общество, в одиночестве скучно пить. Поэтому мы обязаны были составлять им компанию – первый стакан за Сталина, второй – за Красную Армию, третий – за здоровье маршала Рокоссовского, четвертый – за их танковую часть... С тех пор я не могу взять в рот ни капли спиртного.

Я промолчал. Он снова взглянул на часы.

- Ладно, еще четверть часа у нас есть, я могу закончить... Я сказал тебе, что я твой должник – из-за того дома...

Освободители принесли с собой непрерывное, непрекращающееся пьянство, и было похоже, что, кроме водки, их вообще ничего не интересует. Вокруг бродили толпы людей – вчерашние узники концлагерей, живые скелеты, обтянутые кожей, вопреки всем законам природы и вопреки всякой вероятности оставшиеся в живых: представители всех национальностей, вывезенные в Германию на работу, польские беженцы, немецкие беженцы, военнопленные и, наконец, сами победители. Никто, по-видимому, не собирался заниматься их судьбой.

Кохен не уверен, что есть смысл ждать, пока его двух товарищей отвезут в Салоники. Пока что они сидят в Германии, на каких-то развалинах – кирпичи почернели от пожара – и держат совет.

Они решают идти на восток – на западе еще грочет война. Говорят, что в Люблине организовано временное польское правительство, а там, где есть правительства, должны быть и посольства или, по крайней мере, консульства других стран, – так утверждает Кохен. Вполне вероятно, что отыщется и греческий представитель, который поможет им вернуться домой.

Они направляются в Люблин – где пешком, где на крестьянской подводе, иногда даже удается проехать какую-то часть пути на грузовике. Путешествие продолжается много дней, но им не к спеху.

В Люблине, забитом беженцами и солдатами – русскими и польскими, Кохен надеется разузнать что-нибудь о греческом представителе. Все, к кому он обращается с расспросами, спешат отвернуться и отойти. Ясно, что его принимают за помешанного. Что ж, действительно вокруг бродит много сумасшедших, и это никого не удивляет – в последние годы лишиться разума было гораздо проще, нежели сохранить его.

Кохен не отчаивается. Он продолжает искать и расспрашивать. Наконец ему попадает человек, который внимательно его выслушивает. Это мужчина в длинном истрепанном плаще, с худым землистым

лицом, бледными губами и тусклым безжизненным взглядом. Правда, зрачки его глаз находятся в беспре-
станном движении, будто какой-то скрытый механизм непрерывно вращает их. Внимательно изучив Кохена и двух его спутников, человек переспрашивает:

- Греческий консул?

- Ну да, какой-нибудь представитель греческого правительства. Он должен помочь нам вернуться домой.

- Греческий консул... – опять повторяет тот.

- Я ведь объяснил вам, – говорит Кохен, – может быть, вам легче разговаривать на каком-нибудь другом языке?

- На каком, например?

- Не знаю – на немецком, или на испанском, или на греческом...

- На немецком... На испанском... – повторяет тот задумчиво.

Кохен, несмотря на свое старание держаться вежливо, начинает терять терпение.

- А откуда ты, товарищ? – неожиданно спрашивает человек.

Это уже не первый случай, когда к Кохену обращаются со словом «товарищ». Он отмечает про себя, что в этом есть что-то неприятное – почему, он не берется сказать.

- Из Греции, я ведь говорил.

- Нет, я спрашиваю, откуда ты сейчас идешь?

- Сейчас? Из Дрездена.

- Из Дрездена... Это ведь, кажется, в Германии, верно? – он указывает рукой на запад.

- Да, в Германии.

На высохшем безжизненном лице появляется странное выражение – какое-то подобие то ли улыбки, то ли ухмылки. Глубокая вертикальная складка, начинаясь от левой ноздри и, минуя тонкие губы, спускается к морщинистому подбородку.

- Это все, что я хотел узнать, – говорит человек удовлетворенно. – Вы арестованы.

Кохен и его друзья продолжают стоять неподвижно, точно в оцепенении. А мужчина вытаскивает из кармана своего плаща небольшой металлический свисток и спокойно подносит к губам.

Через несколько минут пятеро милиционеров, вооруженных русскими автоматами, с короткими стволами, препровождают их в тюрьму.

В люблинской тюрьме сидели немцы, фольскдойчи, несколько эстонцев, поляки – за участие в восстании и за пребывание в Армии Крайовой, русские – часть за то, что побывали в плену у немцев, остальные – власовцы, был один, которого подозревали в том, что он казак. Он клялся, что за всю свою жизнь ни разу не выезжал из Львова, но ему не верили – у него были длинные усы.

Евреи-греки пристроились в углу. Земляки Кохена не особенно волновались: рано или поздно кто-нибудь заинтересуется ими, разберется, поймет, что они ни в чем не виноваты, и их освободят.

- Я не был в этом уверен, – замечает Кохен сухо. – Сам знаешь, во время войны масса людей исчезла и погибала при самых странных обстоятельствах и в самых невероятных ситуациях – таких нелепых и непонятных, что даже представить себе невозмож-

но а мы, евреи, редкостные мастаки вляпываться в подобные истории. Как они будут рассуждать? – думал я. – Три каких-то подозрительных типа, явно не здешние, но почему-то разговаривают по-польски, к тому же знают еще и другие языки, пришли откуда-то с запада и разыскивают греческого консула. Вполне достаточно для того, чтобы обвинить в шпионаже. Исходные данные верны, а уж вывод напрашивается сам собой...

Опасения Кохена оказались вовсе не напрасны. Назавтра они предстали перед судьей.

- Времени мало, а работы много, - сурово объявил небольшого роста смуглый мужчина в военном кителе. Он глянул на лежавшие перед ним на столе бумаги и продолжал: - Имейте в виду, что нам все известно. Вы засланы с целью диверсий и шпионажа. Ежедневно мы обезвреживаем десятки таких, как вы, но они продолжают засылать нам новых. Я хочу услышать, какая именно американская организация направила вас сюда, где вы спрятали передатчик и какие конкретно указания получили. Если вы все расскажете честно, может быть, вам удастся спасти свою шкуру, а если откажетесь, я тут же прикажу расстрелять вас. Всех троих. Ясно? Надеюсь, мы сумеем сэкономить время и избежать неприятностей. Говорите!

Кохен посмотрел в черные пронзительные глаза судьи, потом поднял взгляд на портрет на стене – усатое лицо на портрете улыбалось ласково и доброжелательно. По обе стороны висели два других, поменьше: на одном был изображен человек с лицом льва – круглый лоб гения и тяжелая борода, на другом – лысый человечек с козлиной бородкой и агрессивно выдвинутым подбородком.

- Времени у нас мало, - повторил судья нетерпеливо и, словно извинясь, добавил: - Война еще продолжается, это военный суд.

- Мы не шпионы, - сказал Кохен. – Мы были в Освенциме. Можете сами посмотреть... Мы греческие евреи, хотим вернуться на родину.

- А... Интересно... И как же вы попали из Греции в Освенцим? А из Освенцима в Дрезден? И где вы научились говорить по-польски?

- Это долгая история... – сказал Кохен. – Не знаю, найдется ли у военного суда время и терпение выслушать ее...

Мужчина взглянул на часы – сколько выдержки от него требуется. И ведь никто ему не посочувствует... Он стиснул зубы, еще раз посмотрел на преступников, на часы...

- Пять минут! Даю тебе пять минут на твою историю! – заорал он и даже подпрыгнул на стуле. – Пять минут и ни секундой больше!

Кохен почувствовал себя очень маленьким, слабым и беспомощным. Пожалуй, за все эти годы он ни разу не испытывал такой усталости...

- Я уже говорил... Мы евреи... Я и два моих друга... Мы были в Освенциме...

У стены, совершенно равнодушные ко всему происходящему, сидели двое часовых. Молодой, долговязый, с голубыми мечтательными глазами, рассеянно ковырял в носу, а другой, седовласый, дремал с открытыми глазами.

Судья постучал по столу костяшками пальцев.

- Часовые! Выйдите на минутку, я должен допросить этого заключенного наедине. Как следует сторожите дверь снаружи!

Солдаты вскинули ружья на плечо и, грохоча сапогами, вышли.

Судья поднялся со стула и помахивал Кохена пальцем.

- Подойди сюда! Читай «Шма Исраэль»!

Кохен придвинулся к столу и, стоя перед портретами Сталина, Ленина и Маркса, начал читать:

- Слушай, Израиль, Б-г наш, Б-г единый... – слезы брызнули у него из глаз и, обжигая кожу, потекли по щекам.

Он открыл глаза и отер лицо рукавом.

Тишина воцарилась в классном помещении бывшей люблинской школы. Та тишина, которая останавливает ход времени. Косые лучи солнца проникали в окно и освещали плававшую в воздухе пыль. Слышно было, как жужжат и бьются о стекло мухи.

- Ты обрезан? – спросил судья.

Кохен начал расстегивать пуговицы на штанах, но тот остановил его.

- Не нужно, я тебе верю. Можете идти... Идите, куда хотите, и ты, и твои товарищи, но только не давайте никому никаких вопросов! Идите.

Он снова уселся за стол и написал на клочке бумаги несколько слов. Потом достал из ящика стола печать и приложил ее к листку.

- Идите и запомните: никого ни о чем не спрашивать!

Кохен взял бумагу и пошел к двери. Открывая ее, он еще раз обернулся, взглянул в мрачное лицо судьи и на портреты на стене.

- Шалом, - сказал Кохен.

- Шалом ал Исраэль... – прошептал человек за столом.

Кохен побарабанил пальцами по пустому стакану.

- Вернувшись, я начал все сначала, - говорит он. – Женился... У меня двое сыновей – хорошие ребята. А ты? Что ты делал после войны?

- Я несколько раз начинал все сначала...

- Ничего не поделаешь...

- И с каждым разом это становится все трудней...

Снизу долетали до нас визги лебедек, лязг подъемных кранов, пыхтение железнодорожных составов, рев грузовиков, разъезжающих по залитой солнцем площади под голубым греческим небом.

Кохен протянул мне руку.

- Этот еврей в Люблине дал мне весьма ценный совет: никогда ни о чем не расспрашивать. Я стараюсь следовать ему, поэтому лишь скажу тебе, что несмотря ни на что, мы всякий раз должны начинать сначала. Ты меня понимаешь...

Я пожал его руку, он пробормотал «шалом» и исчез.

БОРОДА

ПОД ЧЕРНОЙ ШЛЯПОЙ

проф. ВЕЛВЕЛ ГРИН

От редакции:

Люди встречаются с любавичскими ха-сидами при разных обстоятельствах, с различной степенью предубеждения. Предубеждения героя нашего рассказа были весьма негативными. И он даже не пытался это скрыть. Ученый с именем, человек, привыкший всегда и обо всем мыслить рационально, профессор В. Грин хоть никогда и не отвергал своего еврейства, но все же старался как можно меньше общаться со своими религиозными братьями. Обряды и предписания, которым так строго следовали «дальние родственники», вызвали в его душе сильное чувство раздражения и досады. Но в один прекрасный день все изменилось.

О проф. Грине мы писали в прошлом номере нашего журнала. Сейчас мы предлагаем вниманию читателей еще один любопытный эпизод из жизни этого человека, рассказанный им самим...

...Во-первых, я был занят, очень занят. В ту зиму я был ответственным за крайне важный и крайне засекреченный научный проект. Срок сдачи проекта неумолимо приближался, и каждая минута была драгоценна. Во-вторых, меня очень трудно было увидеть. Я был изолирован от внешнего мира множеством закрытых дверей, секретарями и даже вооруженной охраной. И в-третьих, что важнее всего, меня так же мало интересовало свидание с раввином, как и с любым другим просителем денег – пусть даже на благотворительные цели.

Правда, я видел его фотографию в местной газете, но в памяти осталась лишь борода под черной шляпой. Еще одна школа, подумал я, когда раздался его звонок, еще одна йешива, которая нуждается в поддержке. И еще одно лицо, с которым придется встречаться раз в год. Все мои попытки отложить нашу встречу не увенчались успехом. Тогда я подумал, что проще уделить ему десять минут в самом конце рабочего дня, чем спорить по телефону. Но сейчас, по мере того, как приближалось время свидания, я жалел, что согласился даже на это.

В общем, он опоздал на встречу, и этот факт, разумеется, не сыграл в его пользу. Но раз уж я обещал, дело нужно было довести до конца. Внешний охранник позвонил из проходной, и я разрешил впустить его. Затем – внутренний охранник, секретари, и, наконец, он в моем офисе. Слишком молод, чтобы быть настоящим раввином, и слишком неопытен, чтобы быть удачливым сборщиком. Он принял приглашение сесть и на безупречном английском объяснил мне причину визита. Что-то в черной шляпе и бороде заранее готовит нас услышать акцент, но молодой человек был таким же подлинным американцем, как и американский флаг. Это несоответствие несколько вывело меня из равновесия.

Просьба раввина была простой. Ему не нужен был чек, он не приглашал меня произнести речь и не просил у меня работы — три обычные ситуации, с которыми мне приходилось до сих пор иметь дело. Он хотел мое имя. Организация, представителем которой он был, решила устроить банкет и собирала «видных» евреев.

Не совсем понимая, почему меня посчитали «видным», я попытался убедить его не терять времени понапрасну. И с резкой откровенностью привел причины своего отказа. Я сказал, что ортодоксальный иудаизм — это анахронизм, что его одежда и внешность кажутся мне смешными, и что моя точка зрения на еврейство не имеет ничего общего с ортодоксальностью. Кроме того, как сионист, я не хочу иметь ничего общего с теми, кто бросает камни в людей. Разве неправда, что все черные шляпы и бороды в Израиле бросают по субботам камни в людей?

Вместо того, чтобы вступить со мной в дебаты, он, к моему полному недоумению, посмотрел в окно на заходящее солнце, быстро встал с места, перевязал талию каким-то шнурком и ... начал молиться! Делал он это тихо, но уверенно, не стесняясь. Быстро, но членораздельно. Надеюсь, я заслуживаю похвалы хотя бы за то, что сразу узнал в этом предвечернюю молитву «Минха».

Я не знал, что предпринять. Я не часто посещал синагогу, и уж тем более — в предвечерний час, но первый раз в жизни я видел кого-то за молитвой вне синагоги и без молитвенника. И конечно, это был первый случай, когда кто-то молился в моей лаборатории.

Никогда не забуду потока мыслей, нахлынувших на меня в тот зимний вечер. С одной стороны, я был в полном замешательстве. Что мне делать? Могу ли я закурить? Может быть, встать? Сделать вид, что ничего не происходит? И вообще — как долго будет продолжаться это «безобразие»? Замечу, что до сих пор мне приходилось иметь дело только с речами по случаю чьей-нибудь бар-мицвы. Моя секретарша, приоткрывшая дверь, чтобы попрощаться, чуть не лишилась дара речи. Зазвонил телефон. Должен ли я ответить или просто не обращать внимания? Интересно, какой будет реакция охранника, который с минуты на минуту должен зайти и опечатать сейф?..

С другой стороны, я чувствовал себя раздраженным и не без причины. В конце концов, я пожертвовал своим дорогим временем ради этого свидания, а он просто-напросто использовал его на исполнение какого-то средневекового ритуала.

Но где-то в глубине души я почувствовал, что вся эта история произвела на меня впечатление. Молодой раввин, недавно прибывший в чужой город, нуждающийся в помощи таких людей, как я, почувствовал более высокий долг. Несмотря на то, что в данный момент он зависел от меня, иерархия его ценностей была такова, что мое имя, мой чек и даже мое мнение отступили на задний план, уступив место основной потребности — произнести молитву в нужное время.

Мне это понравилось.

Он закончил молитву и посмотрел на часы. Время его короткого визита истекло. Я отказался включить свое имя в список организаторов банкета, и мы распрощались. В тот же вечер я рассказал жене о встрече с человеком нового для меня типа: искренним, для которого религия значила больше, чем повседневные заботы. Потом мы пригласили раввина и его жену (кстати сказать, математика, закончившую университет с отличием) и познакомили с некоторыми из наших друзей.

Этот вечер был первым и не последним. Мы стали друзьями, и даже хорошими друзьями. Много дней, недель и месяцев мы провели с раввином Моше Феллером в спорах и беседах. Мы с женой цитировали историков и философов. Он цитировал Тору. Мы пытались объяснить ему ошибочность его убеждений, но он был терпимее нас. В конце концов, благодаря его терпимости и спокойствию, его человечности и искренности, его знаниям и заботе, мы согласились с тем, что нам надо учиться.

Примерно через год после нашей первой встречи я побывал в Нью-Йорке, познакомился с другими любавичскими хасидами и убедился, что наши друзья не исключение, они типичны. Через пятнадцать месяцев после нашей встречи мои друзья принесли мне тфиллин и показали, как пользоваться ими. А через год его жена помогла моей жене «переоборудовать» нашу кухню на кошерный лад. Точно так же, не торопясь, нас посвятили и в остальные детали повседневной еврейской жизни. Все это происходило постепенно, и честно признаюсь: каждый шаг подвергался сомнению.

Возможно, кто-то скажет: вы были духовно и психологически подготовлены к этой трансформации задолго до встречи с вашими любавичскими друзьями, и эта встреча просто стала первым звеном в цепной реакции. Может быть, очень даже может быть. Но мне никогда не забыть тот зимний вечер, когда молодой хасид выпросил у меня десятиминутное свидание, из которого пять минут провел за молитвой.